

Игорь Ушаков

Азъ Есмь

САН - ДИЕГО

2013



Игорь Ушаков

АЗЪ ЕСМЪ

стихи и немножко рисунков

**San Diego
2013**



ИМПРЕССИОНИСТЫ и около. *Ошибка! Закладка не определена.*

Огюст Ренуар	Ошибка! Закладка не определена.
Клод Моне	Ошибка! Закладка не определена.
Огюст Роден.....	Ошибка! Закладка не определена.
Эдгар Дега	Ошибка! Закладка не определена.
Поль Гоген.....	Ошибка! Закладка не определена.
Андре Дерен.....	Ошибка! Закладка не определена.
Винсент Ван Гог.....	Ошибка! Закладка не определена.
Амадео Модильяни.....	Ошибка! Закладка не определена.
Морис Вламинк	Ошибка! Закладка не определена.
Пейзажи Вламинка.....	Ошибка! Закладка не определена.
Марк Шагал	Ошибка! Закладка не определена.
Чёрный квадрат.....	Ошибка! Закладка не определена.

ВРЕМЕНА ГОДА..... *Ошибка! Закладка не определена.*

Юношеская весна.....	Ошибка! Закладка не определена.
Ранняя весна	- 23 -
Февраль	- 23 -
Март.....	- 24 -
Капризы весны.....	- 24 -
Апрель.....	- 24 -
Конец апреля.....	- 25 -
Черниговское лето	- 25 -
Прибалтийский август	- 26 -
Осень	- 26 -
Декабрь	- 27 -

МОЯ ЗЕМЛЯ *Ошибка! Закладка не определена.*

Дзинтари.....	- 27 -
Ночь на литовской мельнице	- 27 -
Прибалтика.....	- 28 -
Письмо из Литвы	- 29 -
Старые горы.....	- 29 -
Ночь. Февраль. Закавказье	- 30 -
Дым отечества	- 31 -
Это мой родимый дом	- 31 -
ТЬ-ма-ТЬ-ма-ТЬ-ма-ТЬ...	- 32 -

Вера в доброго царя.....	-31-
Грусть по России.....	- 33 -
Поезд сквозь Россию	- 33 -
Старый дом	- 34 -
Письмо из Америки в Иркутск.....	- 35 -
Челябоид-2013.....	-38-
Разговор с Мессией.....	-38-

ГОРОДСКОЙ РОМАНС..... *Ошибка! Закладка не определена.*

Воспоминания детства	- 39 -
Городской романс.....	- 39 -
Ленинградская ночь.....	Ошибка! Закладка не определена.
Сфинксы.....	Ошибка! Закладка не определена.
Вана Таллинн	- 42 -
Концерт в иркутском костёле.....	- 43 -
Русская церковь.....	- 43 -

АМЕРИКА и ОКОЛО...Ошибка! Закладка не определена.

Икстапа, Мексика	Ошибка! Закладка не определена.
Калифорнийский закат	- 45 -
Закат в Ла Хойе.....	- 46 -
Дальний Запад	- 46 -
Закат.....	- 47 -
Загадка бытия.....	- 48 -
Ночь в Аризонской пустыне.....	- 49 -
Поездка через Крит	- 49 -

«ДОЛЮБОВНАЯ» ЛИРИКА..... *Ошибка! Закладка не определена.*

Сорокалетние	- 50 -
Темп.....	- 50 -
Жизни путь.....	- 51 -
Одноактная пьеса	- 52 -
Стареем, брат.....	- 52 -
Голгофа	- 53 -
Ночь перед шествием на казнь.....	- 54 -
Отчаяние	- 55 -
Пустота и усталость.....	- 55 -
Что имеем – не храним.....	- 56 -
Польня.....	- 56 -

Одиночество.....	- 57 -
Вспомни. . .	- 57 -
Удары судьбы	- 58 -
Троллейбус	- 59 -
Признание в нелюбви.....	- 59 -
Тоска сквозь цинизм	- 60 -
Мы – современны	- 60 -
Северянизмы.....	- 61 -
Вам – семнадцать?	- 61 -

БАЙКАЛЬСКАЯ МАДОННА *Ошибка! Закладка не определена.*

Байкальская мадонна.....	- 62 -
Иркутская Мона Лиза.....	- 63 -
Глаза русалочки.....	- 64 -
Осень яркой свечкой тает	- 64 -
Одиночество.....	- 65 -
О тебе опять мечтаю	- 65 -
Синь озёр в твоих глазах.....	- 65 -
В этом мире.....	- 66 -
Нет видимых причин.....	- 66 -
Любовь осенняя.....	- 67 -
Я понял – жизни нет цены!.....	- 68 -
Я ждал тебя всю жизнь.....	- 68 -
Осень	- 69 -
Терпкое вино.....	- 69 -
Мерцанье свеч.....	- 70 -
Грига пение.....	- 70 -
Главному наркологу СССР	- 71 -

ИЗ СУНДУКА ВОСПОМИНАНИЙ..... *Ошибка! Закладка не определена.*

Осень	- 72 -
Небо в 18 лет	- 72 -
Тоска.....	- 72 -
Октябрь уж наступил.....	- 73 -
Перерождение пессимиста	- 74 -
Новогоднее другу детства.....	- 75 -
Другу.....	- 75 -

РАЗМЫШЛЕНИЯ..... *Ошибка! Закладка не определена.*

В патриоты не гожусь.....	- 77 -
Я не поэт.....	- 77 -
Колыбельная.....	- 78 -
Июль. 1918.....	- 82 -
К восшествию очередного царя.....	Ошибка! Закладка не определена.
Пять белых лебедей.....	- 85 -
Сумгаит. 1988.....	- 87 -
Ходим боком под Богом.....	- 89 -
Король умер!... Да здравствует король!.....	- 90 -
Лена и Володя.....	- 90 -
ГОСПИТАЛЬНОЕ	- 91 -
Неотложка.....	- 92 -
Пре-реквием.....	- 99 -
Госпитальное.....	- 100 -
04-04-04.....	- 101 -
Реанимация.....	- 102 -
Размышления в реанимации.....	- 103 -
Первый день после реанимации.....	- 104 -
Тане из госпиталя.....	- 104 -
Опять неотложка.....	- 105 -
Секрет долголетия.....	- 106 -
Перед выпиской.....	- 107 -
Выходя из реанимации.....	- 108 -
О ЖИЗНИ И СМЕРТИ.....	- 109 -
Размышления.....	- 109 -
Кольцо Царя Соломона.....	- 109 -
Выбор.....	- 109 -
По нашим бьют окопам... ..	- 109 -
Новые встречи.....	- 110 -
Время.....	- 110 -
Иных уж нет, а те далече... ..	- 110 -
Утрата за утратой.....	- 111 -
Грустные мысли в Париже.....	- 112 -
Подводя итоги.....	- 113 -
Закат в Ла Хойе.....	- 114 -
Страшна не смерть, а умирание.....	- 114 -
Писано в день дурного самочувствия.....	- 115 -
С кем шутки плохи.....	- 116 -

Смерть	- 117 -
Я на речку бегу	- 117 -
Стихи уже вовсе не пишутся	- 118 -
Неужто будет, что не будет?	- 118 -
Жизнь – упавшая с неба звезда	- 119 -
Пройдет и это	- 120 -
Когда умру, меня не хороните	- 120 -
Когда умру – меня не хороните	- 120 -
Встреча у врат рая	- 122 -
Писано в редкий час дурного настроения	- 124 -
ВРЕМЯ ДЛЯ УЛЫБКИ	- 128 -
Я – памятник себе!	- 128 -
Гарику Книжнику	- 130 -
Крутооборот козлов в природе	- 131 -
Песня про органы	- 132 -
Ода на Женский День	- 134 -
Подражание «Длинному Парню»	- 136 -
Рубаёныши	- 138 -
Хайямизм	- 138 -
Пустьячок	- 139 -
Святослав Ушаков: «В ногах правды нет»	- 139 -
Из жизни рептилий	- 140 -
Кони пасутся	- 144 -
Обложки для книг	- 145 -
ПОСВЯЩЕНИЯ	- 147 -
Тане	- 147 -
Тане	- 147 -
Славке в больницу	- 147 -
Дочке	- 148 -
Славке в армию	- 149 -
Кристине	- 150 -
Маме	- 151 -
Почти по мотивам стихотворения Дилана Томсона	- 152 -
Себе, любимому ☺, на день рождения	- 153 -
Мише и Римме Топольским	- 154 -
Алейниана	- 155 -
Поздравление Маше от черепахолога	168
Татьяне Васильевне на Татьянин день	- 159 -
Татьяне Васильевне в День Ангела	- 160 -

Маше.....	- 161 -
Маше, спустя немало лет.....	- 162 -
Лоре на день рождения.....	- 163 -
Светлане на день рождения.....	- 164 -
Школьному другу в день 70-летия.....	- 165 -
Поезд ушел на Восток.....	- 165 -
Жене Введенской.....	- 166 -
Кате к 18-летию.....	- 166 -
Балхашская полигонная поэма.....	- 167 -
Ушёл Вадим Книжник.....	- 169 -
Памяти Сережи Антонова.....	- 170 -
Шалом, Израиль!	- 171 -
«ГРАФИКОМАНИЯ»	- 177 -
АРМЕНИЯ.....	- 177 -
ГРУЗИЯ.....	- 181 -
ЛАТВИЯ.....	- 183 -
ЭСТОНИЯ.....	- 185 -
ЛИТВА.....	- 186 -
БАЙКАЛ.....	- 189 -
КОПЕНГАГЕН.....	- 197 -
ПАРИЖ.....	- 198 -
ГРЕЦИЯ.....	- 202 -
ВАШИНГТОН.....	- 203 -
САН-ДИЕГО.....	- 210 -

А это просто цветы, цветы, цветы... Ошибка! Закладка не определена.

ИМПРЕССИОНИСТЫ И ОКОЛО

Огюст Ренуар

О женщины Франции –
Притча во языцех!
А когда расфрантятся –
Как райские птицы...

Мужчины их раздевают взглядом, глазами.
Лица их скрыты сеткой вуали:
Вон за столиками на Шанзеллизе,
Вон на вечерней Пляс д'Этуаль.

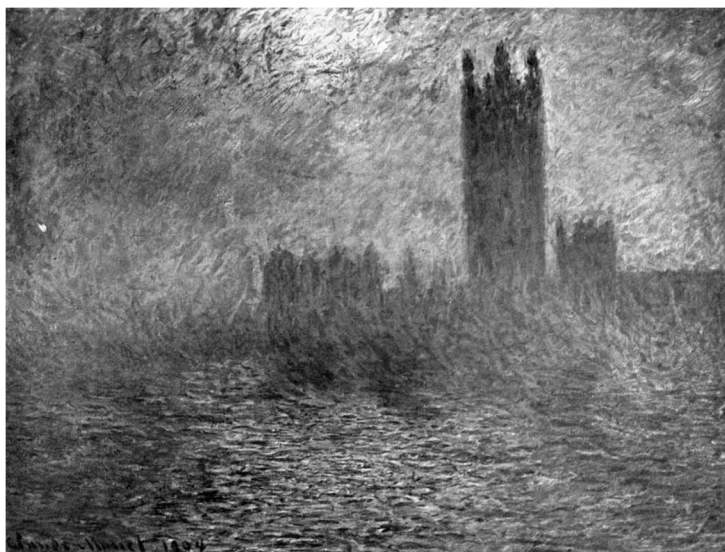
А в купальне!.. Нежные, розовые,
Как фарфоровые статуэтки –
Элегантные, чуть застывшие позы.
Мужчинам позирующие эстетки!



А потом – стой и смотри, и смотри
На умную и усталую улыбку Самари.

Клод Моне

Силуэт размыт –
Вестминстер из тьмы.
Мир зыбок, случаен.
Лишь контуры чаек.
Сиренев туман.
Мираж... Обман...



Огюст Роден

Формы амфоры
Античного века –
Женское тело.
Белым мрамором
Плоть человека
Схвачена смело.

Формы размыты.
Будто камни
Стёрты морской волной.
Снятся забытые
Юности давней
Нега и зной...

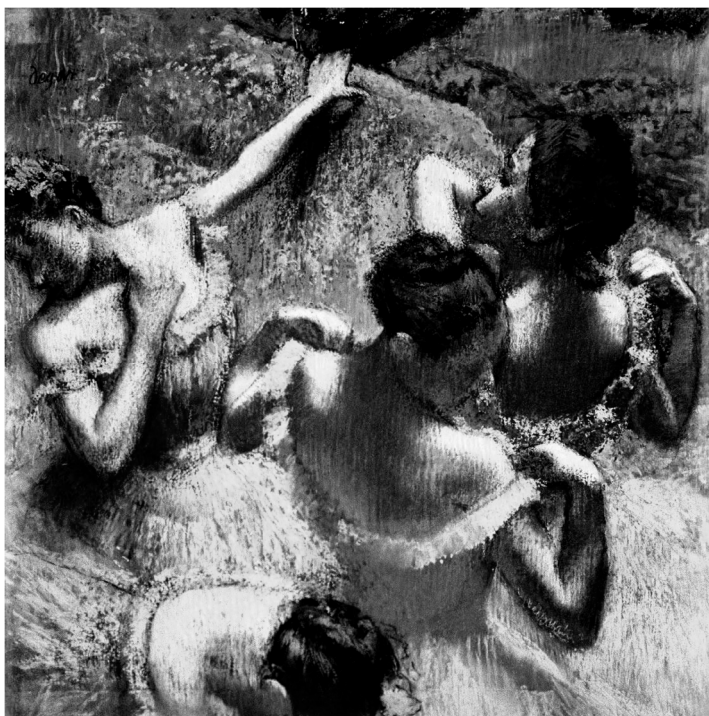


Невозможно точнее и проще
Сотворить рукотворную плоть!
Ощущаешь почти на ощупь
Тела женского белизну и тепло

Эдгар Дега

Голубые танцовщицы,
Как русалки под луной.
С поднебесья свет струится
Серебристый, неземной.

Грациозен по-оленьи
Талий девичьих изгиб.
В тёмной ночи - свет и тени,
А кругом ни зги... Ни зги...

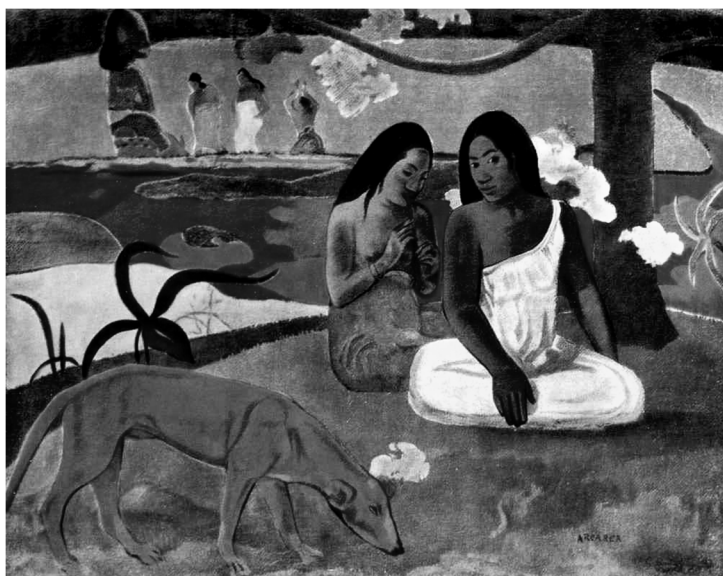


Свет серебряный струится
По плечам и по спине...
Голубые танцовщицы,
Как русалки при луне...

Не пригрезилось ли мне?..

Полю Гоген

Как витражи готики
Светят из храма мглы,
Так ярким цветком эротики
Таитянки волшебны смуглы.
Грациозны, стройны, как лани,
И как у ланей – очи.
Сразу – и чувственный пламень,
И девы лик непорочен.



Кругом цветы диковинные,
Лилий белых трезубцы..
Смотришь, смотришь, прикованный,
Сам становясь безумцем!

Андре Дерен

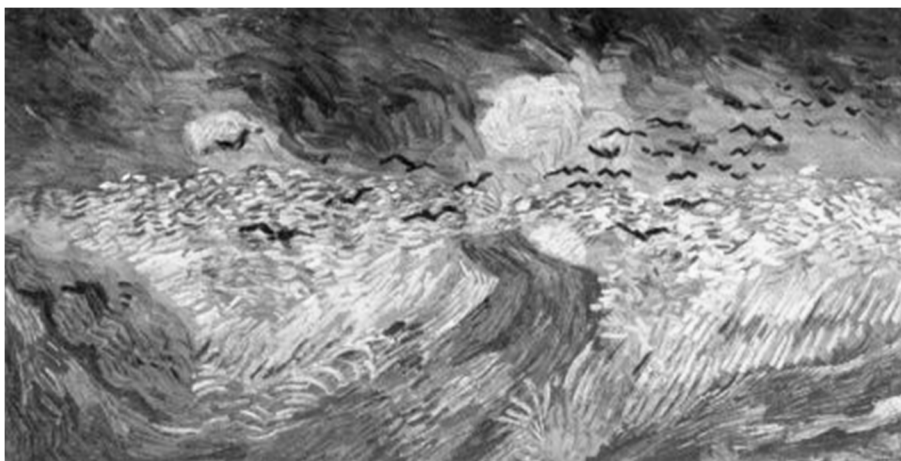
Будто многочисленные
Лотовы жёны,
Изящно окаменев,
Плотью женскою освящённые,
Застыли стволы дерев.
Ветви к небу воздев –
Голубые длани,
Замерли ряды голубых дев,
Как в предчувствии опасности лани.



Вдали разбросаны голубые крыши.
Всё похоже на загадочный сон.
И в прозрачном воздухе явственно слышен
Голубого собора голубой звон...

Винсент ван Гог

Близок вечер.
Злится вечер...
Полегло жнивье.
Птичьи крылья
Синь закрыли –
В небе воронье.
Нагнетается тревога,
Как перед грозой.
Вдаль зовущая дорога...
И пьянит озон...



Но надежды на спасенье
И на счастье нет...
В день осенний
И ненастный
Меркнет свет...
Стало тёмно-бурым поле,
Неба гуще синь...
Сколько боли! Сколько боли...
Господи, Спаси!

Амадео Модильяни

Тела апельсиновые,
Гибкие, как лоза.
И синие-синие
Без зрачков глаза.
Груди упругие,
Бёдра литые,
Тонкие руки,
Лебяжьи выи,
Антилопы спины.
Нагие, ждущие...
Бесстыже невинные,
Как всё живущее.



Морис Вламинк

Вьётся дорога.
В небе душно.
Тревога!
Тревога
Закралась в душу...



Вдали – деревня
С красными крышами.
Незряче, слепо
Свинцовое небо.
Лишь света полоска
Надеждою броской...

Пейзажи Вламинка

Вламинка пейзажи –
Распятые заживо,
С мраком и светом –
На крест из багета!
Крыши, как стигмы –
Кровавые гимны.
К небу воздеты
Голые ветки.

Уходит дорога
За край горизонта.
Тревога! Тревога!
Запахло озоном.



Послышался рокот
Чуть слышно, далёко...
Но грянет гроза!
И не в раме – а за!...
Нельзя же...
Нельзя же!
Такие пейзажи
С мраком и светом
На крест из багета!
Они ж неповинны! –
Пейзажи Вламинка...

Марк Шагал

В небе над Витебском
Многое видится:
Он и Она - оба, как
В поцелуе два облака,
Пролетают над головами,
Над крышами –
Соседская дочка Фаня
И её дружок – Гриша.



А на крыше, на самой круче,
Как с гулянки,
Со скрипкой своей неразлучный
Скрипач Янкель.
Сказочен мир видений,
Фантасмагорично действо...
А рядом ночью и денно
Страдает народ иудейский...

Черный квадрат

Я по музеям был ходок –
Они мои терзали чувства:
Когда картина – лишь вещдок?
Когда же – чистое искусство?

Старался я понять Миро,
Кандинского понять старался,
Но вкус мой, видимо, херов –
В недоумении остался.

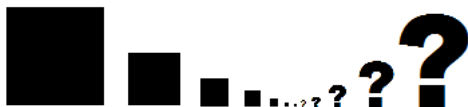
Я «шипкинистов» не люблю,
Мне ближе творчество Ван Гога.
Но от Малевича блюю –
Его «Квадрат» страшной острога.

Скажу, что меньше потрясло,
Чем «Квадрат», вершина истин –
«Закат», что написал Лоло,
Хвостом ослиным, а не кистью.



Осёл Лоло со своим хозяином.
Картина Лоло «Закат над Адриатикой»

Видать, от жизни я отстал,
Но мне модерн проел все плечи.
Тех, кто залез на пьедестал,
Хочу спросить: «Камо грядеши?»



ВРЕМЕНА ГОДА

Юношеская весна

Неба голубизна

глубока, ясна.

Капли

закапали,

капели

запели:

«Дон-динь-

динь-дон...»

неба синь

пронзает звон.

Я снова без сна.

Словом, весна.

Неба болото

в тучки одето.

И любит кого-то

кто-то где-то.

А я один,

как тоскливый стон...

«Дон-динь-

динь-дон...»

запели капели,

закапали капли...

А мне не нужна

неба голубизна...

1958

Ранняя весна

Весна сегодня очень ранняя –
Февраль морозами не пожил.
И получаем мы заранее
То, что приходит лишь много позже.
 Не по-февральски солнце греет,
 Все крыши изошли слезами.
 И оттого ещё скорее
 С асфальта талый снег слезает.
Наклюнулись на ветках почки,
Не веря в мстительную вьюгу.
Того глади, по небу точки
Далёких птиц возникнут с юга...

Февраль

Февраль... А в воздухе - весна.
И мы с тобой опять без сна,
Как после длительной разлуки...
А за окном луны блесна
На небе ловит тучу-щуку.

От солнца по утрам капель
Последние сугробы рушит,
А на асфальте лужи сушит,
Как будто не февраль – апрель
Уже стучится в наши души.

А днём теплынь и благодать.
И птицы в звонкой перепалке,
Как древнеримские весталки.
О счастье начали гадать...
А мне зимы немного жалко...

Март

Серый март.
Серое небо.
Серый снег.
Мне почему-то плохо
бывает именно по весне.
И я боюсь, боюсь уже заранее
Весны –
весны предтечно ранней.
Я люблю голубое
люблю зелёное,
люблю красное.
А в марте всё серое...
А я люблю - разное!

Капризы весны

Весна...
То схватит, то отпустит,
То минус восемь, то капель...
То март приходит в тихой грусти,
То мчится радостный апрель.

Апрель

Апрель, апрель...
Весь мир - купель.
Кругом капель.
И птичья трель.
И потихоньку, еле-еле
Становится на самом деле
Теплей в апреле.
Скажи, ну разве не тебе ли,
Когда кругом, кругом капель
И раздаётся птичья трель,
Мне петь про радостный апрель?

Конец апреля

Кончается апреля прелесть,
Весна ступила на порог.
И по полям, от солнца прелым,
Дымится струйками парок.
Грачи по пашне гордо ходят,
Себя неся, как франты фраки.
И будто холод с гор доходит,
Когда спускаешься в овраги.
Там рыхлый снег лежит устало.
Лишь он непрошен и заброшен,
Весенней пылью запорошен...
Кругом уже весна настала!

Черниговское лето

Уж было лето на излёте.
Стада страдали от жары.
Луга лежали в позолоте
Недавно скошенной травы.
И в мареве, почти растаяв,
Поля звенели знойным звоном.
И аисты сбивались в стаи,
Готовясь к дальним перегонам.

Прибалтийский август

Стога, стога...
Зеркальность озёр.
Изморось паутиной.
Низкие облака.
Тишина. Простор.
Осени половина.
Свинец небес.
Изумруд полей.
Сталь Даугавы.
Сосновый лес
В ожиданье дождей.
Балтийский август.

Осень

Травы косят...
Солнца просят –
Непогода наплыла.
Плачет осень,
Плачет осень –
Мало прожила.
Серым кровом
Небо снова
Затянули облака.
Осень - рыжая корова
Надоила молока.
Весь в тумане,
Как в обмане,
Лес сосновый.
Так и манит,
Так и манит
Сказкой новой.
Всё, что было,
Всё, чему бывать!
Напоила,
Напоила
Душу благодать...

Декабрь

Декабрь. Конец. А всё плюс восемь.
Ручьи! И солнце греет нас.
Вот так бывает: уж не осень –
Зима!.. А тут, глядишь, весна!

МОЯ ЗЕМЛЯ

Дзинтари

Сосны, небо голубое
И песок янтарно жёлт...
Шёпот тихого прибоя...
Я с тобою рядом шёл.
 Глаз сиянье голубое
 И волос твоих янтарь...
 Как одарен я судьбою,
 Что иду сейчас с тобою
 В голубую эту даль!

Ночь на литовской мельнице

На мельнице тихо,
Кругом не души.
Лишь сосны и пихты
Всё шепчут в тиши...
В пустынной округе
Ну звука в ночи.
Лишь ветка упруго
По раме стучит...

Прибалтика

Сосны,
Как свечи.
Просто
И вечно.
 В сером
 Просторе
 Мерное
 Море...
Дюны
Усталые –
Юные,
Старые...
 Чайки
 Навстречу,
 Случайные,
 Вечные.
Берег
Безбрежен.
Вереск
Всё реже.
 Дождь
 Льёт.
 Дрожь
 Бьёт.
Ветер
Обмяк...
Светит
Маяк.
 Небо –
 Свинец.

 Небыль...
 Конец...

Письмо из Литвы

Опять стучат, стучат колёса,
Несётся поезд по Литве.
И паровозный дым белёсый
В осенней курится листве.
 И паровозный дым белёсый
 Течёт рекою по траве.
 И первых звёзд тревожных блёстки
 Навстречу мчит холодный ветр.
И первых звёзд тревожных блёстки,
И сумрак пожирает свет...
И тает явь. И ярче грёзы
В моей безумной голове.
 И тает явь. И ярче грёзы.
 Опять, как прежде, я в Литве.
 И вешним ветром веют грозы,
 И радость всё, и всё привет...

Старые горы

Горы, горы... В неба сини...
В ком они не пробуждали
Чувства силы и бессилья,
Чувства счастья и печали,
Чувства брэнности земного
И бессмертья дуновенье,
Заставляя снова, снова
Уходящим жить мгновеньем?..
Горы взгорбились, как спящие,
Старые,больные ящеры.
Их – ревматиков горбатых,
Изъянтаренные листья -
Миллиарды солнц закатных -
Одевают шубой лисьей.

Ночь. Февраль. Закавказье

Ночь.

Февраль.

Закавказье.

Звёзды...

звёзды...

звёзды... -

миллиардоглазье!...

Млечный путь где-то совсем около

Расплескался по небу, как по полу.

Возьму вон тот черпак огромный

И буду всю ночь хлебать небес тёмную грусть,

А напившись,

повешу его на место на небе

и скромно

Рукавом рубахи утрюсь.

А кругом слепит тьма-тьмущая...

А кругом звенит

тишина, мучая...

И мне слушать это молчанье

не в мочь!..

Закавказье.

Февраль.

Ночь...

Ночь...

Ночь...

Дым отечества

... Но дым Отечества и грязь,
Хоть и родные – всё же мразь!
Увы, немытая Россия –
Где пьянь, где рвань и где босые.
А между ними – сытых рожки –
Плывут сановные вельможи...
Люблю Россию я,
Но странною любовью:
То мрак бессилия,
То страсть борьбы до боли.
Я кем-нибудь другим бы быть хотел,
Но что поделать!
Русским быть - удел!..

Это мой родимый дом

Ивы плачут над прудом –
Это мой родимый дом.
По просёлочной дороге
Не пройти – увязнут ноги.
Покорёжена изба –
Как хозяйская судьба...
Рубище замест одежды...
Уж какие тут надежды!
На полях стоит нерод.
Пухнет с голоду народ...
Но мрак истории осилив,
Всё ещё жива Россия!..
Ивы плачут над прудом ...
Это - мой родимый дом

Ть-ма-ть-ма-ть-ма-ть...

Вековечная тьма, тьма, тьма...
Ох, Россия моя мать, мать, мать!
И живя в исконной тьме, тьме, тьме,
Чёрным светлое не меть, меть, меть.
Лишь развеем эту тьму, тьму, тьму,
Как увидим сразу муть, муть, муть.
И очухавшись от тьмы, тьмы, тьмы,
Мы грязюгу сразу мыть, мыть, мыть.
Но расстанешься ли с тьмой, тьмой, тьмой
Край ты горемычный мой, мой, мой...

Вера в доброго царя

Ах, эта вера в доброго царя,
Которому благодаря
Воспрянет русский наш народ
И аллилуйю запоет!
И будут биться лбом в экстазе
Народы и Европ и Азий.

А царь возьмет скипетр свой ржавый,
И сдунет пыль с креста державы,
Корону водрузит на лоб,
Что царь он, всем виднее чтоб!

Увы, из века в век просили
Все люди умные в России:
Не верьте в доброго царя!
Но все, по-видимому, зря...

Хоть при любом царе он тужит,
Кушак свой затянув потуже.
И потирая битый зад,
Глядя вперед, идет назад...

Грусть по России

Ты и радость моя, ты и грусть,
Бесшабашная, нищая Русь!..
Капли слёз – твои купола.
Крест, как меч, небеса раскроил пополам,
И колотят уныло колокола..
Тьма и мрак... И монгольского ига мгла..
Жар пожарниц от края до края пылал..
Всё ты сдюжила и перемогла!
 И надув парусами церквей купола,
 Вопреки и назло ты, как вечность, плыла.
 И звонили во здравие колокола:
 Ты смогла даже то, что и смочь не могла!
Только всё же, как слёзы, церквей купола.
И какая-то на сердце тихая грусть..
И, как вечность, плывёт неизменная Русь.

Поезд сквозь Россию

За окном мелькают рыже
Осени наряды.
 Нудный дождь по стёклам брызжет,
 Может, сутки кряду.
Этот край мне мил до боли –
Ельнички, берёзы..
Не любить его нет воли,
Только душат слёзы.
 Наползает нищей сворой
 Бедное селенье,
 И как будто тати воры,
 Всё в нём население.
 Серых лиц слепые пятна
 Взгляд тебе не кажут.
 И кистень как будто спрятан
 Под одеждой каждой.

Вышла лень в борьбе за царство
С жизнью в поединок.
Боль и радость, распри с братством
Слиты воедино.
Тьмы погрязли в безразличье,
Сотни власть ругают,
Единицы – беды кличут...
Всем бы жизнь другая!
Сеет дождь решёткой нудной
По полям неродным...
На земле богатой скудно
С таким народом!..

Старый дом

Приехал я в Москву.
И сердце защемило...
Почувствовал тоску
Я по сторонке милой.
И захотел опять
С собой я повидаться,
Пусть время мчится вспять:
Пусть снова мне семнадцать!
Забыв про все дела,
Про встречи и заданья,
Кусая удила,
Несусь, как на свиданье...
Метро «Аэропорт».
Бегу под грохот сердца –
Нет, мчусь во весь опор.
От чувств, куда же деться?
Все та же зелень лип...
Все та же - и не та же...
Но если и смогли б
Мы повстречаться даже,
То в этом смысла нет -
Прошли полсотни лет...

Письмо из Америки в Иркутск

И в джунглях каменных Америки трущоб,
И в девственной глуши каньонов и чащоб,
Я да забыл об Родине бы чтоб?!

Забыть, как в глубине сибирских руд
Уж скоро два столетья декабристы мрут?
Забыть, как кто-то вовсе без труда
Таскает рыбку из народного пруда?
Забыть о том, что знаем все мы четко:
Что благосостояние – не тетка?

Пусть вечно светит красная звезда!
И путь на подвиг нас зовет она!

Но чу! С небес раздался трубный звук?
Нет, то прорабов перестройки дружный стук.
И из Москвы идут такие вести,
Что труд становится, мол, снова делом чести,

Что и райком и, вроде бы, обком
Уже с трудом становится знаком:
Великая народная победа –
Заставили работать дармоеда!
А то «Наро-од и Па-артия – еди-ины!»
Но разные зачем-то магазины...

Что вам сказать про тутошнюю жизнь?
Чуть зазевался, поотстал – держись!

На объективные причины – хоть молись,
Тебе без долгих разговоров скажут «Брысь!»
(Скажу я вам без ложного стыда:
Я сам здесь стал ударник каптруда!
Здесь для того, чтобы прилично жить,
Усилия, увы, потребно приложить!

Вот и тружусь я не за славу и за честь,
А для того, чтобы и пить, и есть.
При этом я, конечно же, не скрою,
Что никакого коммунизма я не строю!)

Мы здесь неоднократно уж икали,
То вспоминая о свягом Байкале,
То просто о наполненном бокале...
Ну, а соленькие наши омуля?
(На них – не на китах! – ведь держится Земля.)
Незаменимые закуски для, бля?

Здесь разной этой водки, хоть залей,
Да не найдешь на закусь омулей...

Но ничего, что омулей здесь нет:
На них ведь не сошелся клином свет?

Здесь с перестройкой, я скажу вам, глухо.
Ну, просто никуда у них с разрухой!
Ну, хоть нашли бы где-нибудь старуху,
На коею, известно, есть проруха.
Ан нет! Нормально строят изначала:
Чтобы не вкривь, не вкось, чтоб не торчало...
(Чтоб, мол, сподручней всё начать сначала.)
Зачем-то строят сразу не века.
(Знать нет на них Совмина и ЦК!)

Но им легко – они без войн живут,
И метр наш длинней, чем ихний фут.
Вот скоро мы дойдем до миллиметра,
Тогда нас догоняй, как в поле ветра!

А войны?.. Нас века вгоняют в мрак.
Без войн бы прожил даже и дурак!
У нас же, глянь, одни лишь передряги:
То среди ясна неба гром – варяги!

(Боюсь затрагивать, скажу, я эту тему:
Однопартийная – не их ли то система?!)

То вдруг татары рвутся на порог...
Ведь до сих пор их чувствуем оброк!
(Иначе отчего же мяса нет и хлеба?
Знать все отдали мы татарам на потребу!)

Потом откеля не возьмися – ляхи:
Раздели до исподней до рубахи!
(Понять не может только наша дура,
Что именно с тех пор затор с мануфактурой!)

Потом французы – чтоб им в горло дышло! –
Опять с разрухою неладно вышло.
(В Москве жилищный дефицит с тех пор,
Хотя два века уж, как дали им отпор...)

Германец, тот нам, правда, навредил.
Да Сталин – молодец! – его побил.
Но у побитого давно уж все на месте,
А мы ишачим: труд ведь дело чести!

Куда ж ты Русь? Куда ж ты, птица-тройка?
Но нет ответа... Лишь вперед несется бойко
К невзгодам всем относится так стойко...
Привыкшая – у нас ведь новостройка –
Так тут же – глянь – уже и перестройка!

Пишу, забыв про всякую опасность:
Надеюсь, впрямь в стране бушует гласность?
Мне тут знакомая, приехав, говорила,
И не такое, мол, несёт Попов Гаврила.
А что уж говорить про Собчака?
По нём давно зубами щелкает ЧеКа!

Но ведь они – народа депутаты,
А у меня нет ихнего мандата...

И если все сексоты не помрут –
До встречи в глубине сибирских руд!

(Но да простят меня за моветон:
Для встречи место – лучше бы Бостон!)

Пока в стране еще на гласность нету вето,
Надеюсь – доживу и до ответа.
(Дошло бы лишь до вас мое письмо :
Ведь почта здесь, в Америке – дерьмо!)

Уже полгода здесь цвету и пахну...
Надеюсь, что вернусь – меня не трахнут.
Хотя боюсь, что я вернусь уже в страну,
Опять попавшую в гражданскую войну.
И новый вождь провозгласит ментальность мента:
«Громи жидов и бей интеллигентов!»
Пишите! Жду Эзопова ответа,
Как соловей ждет солнечного лета.

Декабрь 1989 г., Вашингтон

Челябод-2013

Астероид челябнулся где-то в России,
Над страной, где никак не настанет рассвет.
Это что – благовест о явленье Мессии,
Что спасет нас от будущих бед и побед?
Или это простое природы явленье,
Что бросает в нас камни Господней рукой?
Только исподволь все ж возникает сомненье:
Почему же не выбран был кто-то другой?
Можно б выбрать кого-то из Мекки-Мудины*,
Где унывно, буквально всю ночь напролёт,
Кукаречат о чем-то своем муэдзины,
Призывая к чему-то безмолвный народ.
Ну же, Господи, если взаправду ты есть,
Объясни недоумку, в мозгах моих узких:
Чем же мы заслужили высокую честь,
Что ты любишь безмерно евреев и русских?

*Искажение сделано лишь для удобства рифмования.
Просьба не искать второго смысла

Разговор с Мессией

– Мессия,
В чем беда России?
– Бабло
Россию заебло...

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Воспоминания детства

Закат был ярко рыж,
Звенел лучей игранием,
И очертанья крыш
Чернели резкой гранью...
А окна всех домов
Пожарищем атели...
Мой образ детских снов –
Петровская Аллея...

Городской романс

Я живу в этом городе страшном,
Где и близкие стали чужими,
Где сегодняшнее стало вчерашним,
А до завтрашнего - не дожили.
Там, где беды людские по ветру
Будто листья осенние носит,
Где теряют и честность, и веру,
Где сердца равнодушные косит.
Небеса мы не видели синими.
Средь людской суеты в одиночестве
Мы живём без фамилии, имени,
Без отчества и без отчества.

Ленинградская ночь

Ночь.

Тишина.

Отшуршали шины машинные,

Пешеходов галоши отшлёпали тоже...

Над Невойю ночные джины

Разбросали фонарные рожи.

С одноглазого неба вымело

И луну,

и блёстки окон.

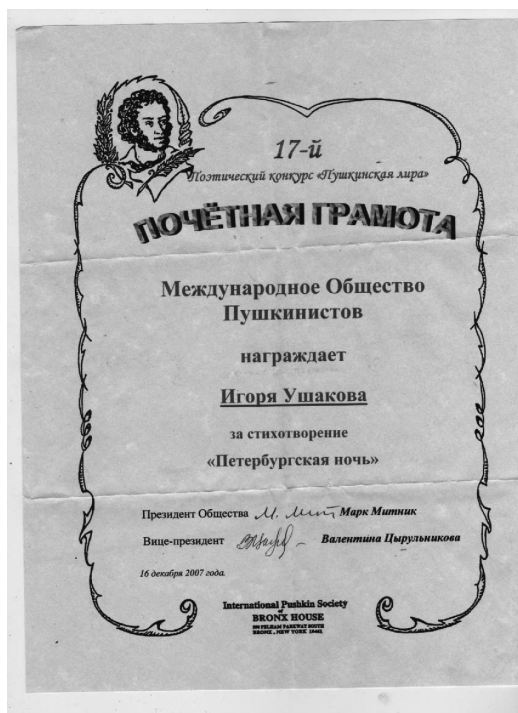
Льёт осеннее чёрное вымя

Чёрное

своё

МОЛОКО...

1958



Сфинксы

Мост лейтенанта Шмидта.
 Рядом на берегу
 С грустной улыбкой Сфинксы
 Молча Неву стерегут.

Сколько они пережили?..
 Тысячи, тысячи лет...
 Скольким векам разможили
 Этой улыбкой хребет...
 Годы, столетия льются:
 Войны, миры, революции...
 Только они не отмечены
 Поступью времени вечного.
 Шепчут им воды у ног их
 Песни и тайны о многих.
 Но почему же на лице
 Грусти мелькают блики?
 Грусть ли по родине милой
 Камень сердец защемила?
 Может, волна проронила
 Восточку с синего Нила?

И рвётся каменный идол
 В страну, где стоят пирамиды.
 Камня бы сбросить оковы –
 И в Фивы родные снова!
 В осени северной стынет,
 Мечтая о знойной пустыне...
 Трудно в дали от родины –
 Там, где даль синенебья!
 Здесь душат домов уродины,
 Чужие стоят деревья...

Мост лейтенанта Шмидта.
 Рядом, на берегу
 С грустной улыбкой Сфинксы,
 Молча Неву стерегут.

1958

Вана Таллинн

Таллинн, Таллинн...
Крыши - рыжи,
Небо, море - цвета стали.
Хлещет дождь седьмые сутки!
Правда, редко в промежутки
Что-то светит вроде солнца
Между тучами в оконце.
Море - серое, как небо.
Небо - серое, как сталь...
И плывёт вся эта небыль
Тихо в сказочную даль.
Будто древние фрегаты
В тихой гавани стоят:
Шпили мачт зовут куда-то
В моря даль, где тает взгляд.
Черепица, черепица –
Рыбой в красной чешуе...
Никуда не торопиться...
Всё лишь суета сует...
Давят древние оковы,
Давит купол цвета стали.
Спит в дожде средневековом
Дряхлый старец - Вана Таллинн.

Концерт в иркутском костёле

В поднебесье костёла растворяются звуки.
Острроверхие своды сплетены, словно руки,
Словно руки, воздетые в муке...
В блеске стали врывается в залу орган.
Словно конница с пиками на врага –
Всё сметающий ураган.
Растворяешься в звуках, сливаешься с небом,
Ощущаешь тщету суеты и нелепость...
А потом тишина – будто гипсовый слепок...
И мурашки, как струйки дождя, – по спине.
И колотится сердце сильней и сильней...
И в душе одиночество бьётся больней...

Русская церковь

В конце Гагарин-штрассе,
Заметная едва,
Стоит в бетонной массе
Российская церква.
Здесь смотрится всё иначе –
И главы, и кресты.
(Как будто в связке рыночной
Редискины хвосты!)
Ведь купола проржавели,
Кресты без позолот,
Живя в чужой державе
Уже который год.
От сырости и копоти
Поблекли образа. ..
И смотрят в мир безропотно
Ослепшие глаза.

АМЕРИКА И ОКОЛО

Икстапа. Мексика

Небо блекло-голубое
И ленивый шум прибоя.
Пальм раскинутые руки.
Мексиканской песни звуки...
Быль и небыль... Быль и небыль...
Жизнь не может увядать!
Хорошо все это мне бы
Вновь когда-то увидеть...
В баре скудном нам налито
По бокалу «маргариты».
Хор цикад в ушах звенит.
Солнце плавит дня зенит.
Быль и небыль... Быль и небыль...
Завтра будет только быль!
Будет облачное небо
И дороги вечной пыль.
Мысль назойлива, как сводня,
Завтра... Завтра – не сегодня!
А сейчас забудь заботы:
Спешки нет, и нет работы!
Быль и небыль... Быль и небыль...
Смесь реалий и мечты
Завтра кажется нелепым –
Ведь сегодня рядом ты!

Икстапа, 2002.

Калифорнийский закат

Все, как на старых картинах:
 Белые стены, черепиц алость.
 Крест золотой, а будто в патине...
 Знать, не золотой малость.
 В небе ни облачка.
 Океан тих и ленив, почти без волны.
 И только чешуйчатыми воблочками
 Там и сям мелькают серебряные буруны.
 Пальм мочалки очень похожи
 На пауков свисающих с земли вверх,
 Или будто на синем ожил
 Сказочный черный фейерверк.
 Солнце начинает западать в океан.
 Теряет яркость, болезненную для зрачка.
 На небе как эфемерный туман
 Конденсируются облачка.
 И вот момент, от которого вечная одурь:
 Солнце нежно целует воду.
 Влюбленно сливаются два тела в экстазе...
 Полумрак опускается осторожно наземь...
 Небо изрозоватилось элегантными фламинго
 От солнца осталась всего половинка.
 Закат невиданной красоты...
 Но что же взгрустнула ты?
 О том, что ничего не вечно?
 О том, что всегда догорают свечи?
 А представь несгорающую свечу.
 Я так не могу. Да и не хочу.
 Всякая смерть - это жизни дщерь,
 Это для будущей жизни дверь.
 И если бы жизнь не имела закат,
 Откуда б фламинговые облака?
 Откуда бы неба безумья палитра?
 И первые звезды на неба пюпитре?
 Быть может, не будь вот такого момента
 Казалась бы жизнь нам чужой кинолентой?

Закат в Ла Хойе

Небо раскинуло свой померкший зонт.
Расширились предвечерне птахи.
Солнце падает за горизонт,
Как голова с плахи...
Катится, катится, кроваво-рыже,
И вот уже тонет в дали океанной...
О солнце! Твой свет разворуют воры же,
По капельке – сонмище звезд окаянных!..
А звезды, и правда, все ярче и ярче.
К закату и жизнь моя также вот клонится...
Нет рыбки с «Чего тебе надобно, старче?»,
А то б попросил я вернуть ее солнце

Дальний Запад

Я приехал в Сан-Диего,
Шар Земной исколеса.
Эх, пропадай моя телега,
Все четыре колеса!
 Нет, не будет покаяний.
 Да, ушли мы на Заход.
 И на Тихом океане
 Свой закончим мы поход.
Здесь в «крещенские морозы»
Расцветают пышно розы.
И зимой не сыщешь снега
В этом райском Сан-Диего!
 Но взгрустнётся всё ж порою,
 Вспомнишь детство, отчий дом...
 Грусть-тоска тогда, не скрою,
 В горле прячется с трудом...

Закат

Все, как на старых картинах:
Белые стены, черепиц алость.
Крест золотой, а будто в патине...
Знать, не золотой малость.

В небе ни облачка.
Океан тих и ленив, почти без волны.
И только чешуйчатými воблочками
Там и сям мелькают серебряные буруны.

Пальм мочалки очень похожи
На пауков свисающих с земли вверх,
Или будто на синем ожил
Сказочный черный фейерверк.

Чайка на камне по сторонам зыркает –
Не угостит ли кто коркой?
Матрос - почему-то без бескозырки -
Болтает с девицей скороговоркой.

В бомбежке ль, в другом акте ли
Принимают участие ожившие птеродактили?
На бреющем пролетела пеликанья эскадра
И исчезла из кадра...

Люди ходят неспешно.
А чайка все так же безуспешно
Вертит башкой налево-направо:
Привыкла жить на халяву.

Солнце начинает западать в океан.
Теряет яркость, болезненную для зрачка.
На небе как эфемерный туман
Конденсируются облачка.

И вот момент, от которого вечная одурь:
Солнце нежно целует воду.
Влюбленно сливаются два тела в экстазе...
Полумрак опускается осторожно наземь...

Небо изрозоватилось элегантным фламинго
От солнца осталась всего половинка.

Закат невиданной красоты...
Но что же взгрустнула ты?
О том, что ничего не вечно?
О том, что всегда догорают свечи?

А представь несгорающую свечу.
Я так не могу. Да и не хочу.

Всякая смерть - это жизни дщерь,
Это для будущей жизни дверь.

И если бы жизнь не имела закат,
Откуда б фламинговые облака?
Откуда бы неба безумья палитра?
И первые звезды на неба шюпитре?

Быть может, не будь вот такого момента
Казалась бы жизнь нам чужой кинолентой?

Загадка бытия

В море, за горизонт
Солнца ложится в кровать.
Заката оранжевый зонт,
Старается солнце скрывать.
Плещется одеяло поутихшей волны,
Облизывая устало прибрежные валуны.
 День за днем, миллиарды лет
 Так вот вечером гаснет свет...
Небо: оранжевое... багровое... лиловое...
И завтра будет все так же снова!
 И если все так понятно и гладко,
 То удивительно мне:
В чем же тогда бытия загадка?..
А в той вон груде прибрежных камней!

Ночь в Аризонской пустыне

Небо, звёздами мигая,
Мне о вечности шептало.
Вдруг звезда одна упала,
А за ней ещё другая...
И сказала, убегая:
«Здесь, где путь разлился Млечный,
Здесь, увы, ничто не вечно,
Кроме смерти...»

Поездка через Крит

Черной, юркой анакондой
Вьется горная дорога,
Вьется в гору понемногу,
И ревет мотор у «хонды»,
Будто ждет от нас подмоги...

Слава, справа – скал оскалы,
И парит над ними хищник,
С резким криком жертву ищет...
А внизу лазурь ласкала
Берега в убранстве нищем...

Путь лежит наш в поднебесье.
И мотор урчит надрывно...
Ястреб кружит непрерывно,
Кружит в небе гордым бесом...
Мчит машина над обрывом...

Небо светлой бирюзою
Над лазурной далью вод.
Горы, как перед грозойю,
А в долинах - царство зноя
И оливковых деревьев беспрерывный хоровод...

«ДО ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА»

Сорокалетние

По ладони земли, как по линии жизни,
Нас морщина дороги ведёт в никуда.
Мы становимся хуже, глупее, капризней,
И всё туже сжимает болезней удав.
Впереди остаётся не так уж и много:
Жизни треть или четверть, а может и день.
Всё равно мы не можем представить иного:
Жизнь - огонь, а не прошлого тень!
И как птица, подбитая пулей неметкой,
Мы надрывно летим всё вперёд и вперёд...
И ни галльской,
 ни шведской душе,
 ни немецкой
Не понять, почему нас ничто не берёт.

Темп

Не слишком ли крутишь спидометр, жизнь?
Не слишком ли круто берёшь виражи?
Правдоискатели грязнут во лжи,
И бессребреник ищет нажив
И не щедрее, богатства нажив.
Друзья мои в спину вонзают ножи...
Уходит любимая, чувств не дожив...
Не слишком ли крутишь спидометр, жизнь?
Оставь мне хоть веру в любви миражи...

Жизни путь

В начале – вечный путь!
Конец его – как небыль.
Волненье давит грудь.
Глаза пронзают небо.
А там вдали манит,
Как колдовской магнит,
Прекрасная вершина...
И распрямляешь спину,
И мчишь во весь отпор
Без усталости и страха,
Решая вечный спор
Успеха против краха.
Но вот достиг высот,
Застывши в упоенье:
Дух схвачен от красот,
В ушах – восторга пенье!
Но в путь зовет судьба –
Охота ль, не охота... -
Так, как зовет труба
Солдата в день похода.
Перевалив хребет,
Идя уже в долину,
Иначе видишь свет...
Согнешь устало спину,
Хоть под гору идти,
Скажу, куда как легче!
Но вон - конец пути...
И грустно сторбишь плечи.
И каждый новый шаг –
Концу пути навстречу...
Иду я не спеша,
Но року не перечу:
Я видел свет вершин!
Я шел своей дорогой!
А то, что не свершил...
Так не судите строго.

Одноактная пьеса

Когда подступают недуги
И край ощущаешь спиною,
Тогда начинаем друг друга
Мы мерою мерить иною.
Вдруг ценим мы преданность друга,
Терпенье любимой мы ценим,
Прощаем мы недругу ругань.
Живём, как артисты на сцене!
Вся жизнь, как известная пьеса,
Где роли расписаны гладко...
Но скоро антракт - в неизвестность...
Ведь пьеса у нас ... одноактная.

Стареем, брат...

Мы постепенно таем все во времени,
как корабли в морском тумане тают...
Все меньше остается нас из племени,
Чья жизнь быльем обильно зарастает.
Не замечаем, как становится нам лестно,
Когда нас хвалят за здоровье и уменье.
И чем мы ближе к немощи телесной,
Тем нам приятней эти песнопенья...

Голгофа

Настушила весна,
Чудом жизни звеня.
И с распятия, с креста
Тихо сняли меня...
Я простил вас, нуды,
Весь апостольский съезд:
Буду жив я, покуда
На Голгофе мой крест.

Буду жив я, доколе	И пока Магдалина
Веру в правду хранят,	Ждёт ночами меня.
И пока на престоле	Ведь за сумраком синим
Проклинают меня	Вспыхнет всполох огня!

Если верить, что будет
За теменью свет -
Значит, жизнь нас разбудит!
А может, и нет?...
Может, зря я вознёсся?..
Лучше б там, на кресте...
Ведь и ты вот проснёшься,
А кругом - все не те!
Может, лучше не верить
В вознесения бред...
Где последние двери –
Возвращения нет.

Ночь перед шествием на казнь

Когда осталось совсем немного,
Лишь до рассвета,
А там - дорога, одна дорога
Под стоны ветра...
А там уж скоро, совсем уж скоро
Готова плаха,
В руке жестокой трещит мой ворот...
Трещит рубаха...
Когда звездой последней тает
Ночной зенит...
И вот светает, совсем светает,
И ключ звенит...
Осталось только лишь скрипнуть двери...
Войдет палач...
И можно верить хоть миг в бессмертье
Сквозь скорбный плач.
В тот час рассветный, когда мне мерить
Жизнь на мгновенья,
Зачем храбриться и лицемерить -
Для всепрощенья?
Мне недожитого жаль до боли,
До грустной дрожи:
Не страх, не ужас - досада что ли,
Что мало прожил...
И знаю: солнце взойдет - и это
Мой путь на плаху...
И все же жаду я те брызги света
Совсем без страха!

1976

Отчаяние

Дождь,
дождь
весь день...
Ложь,
ложь
везде.
Молоком
туман,
туман.
Всё крутом -
обман,
обман...
По земле -
мгла,
мгла.
Всё ты мне
лгала.
Лгала...

Пустота и усталость

Пустота и усталость –
Это всё, что осталось.
Мне бы самую малость,
Только всё поломалось...
Губ усталая алость,
Глаз печальная жалость –
От тебя лишь осталось...
Сердце обручем сжалось –
Пустота мне досталась...
Пустота и усталость...

Что имеем – не храним

Что имеем - не храним,
Потеряем - плачем.
То мы чувствами сорим,
То мы чувства прячем.
То - обида на пустяк,
То - прощаем подлость...
Понимаем, жизнь спустя,
Что спустили молодость!
Что стубили мы себя
Мелкими подачками
И любимых не любя –
Мы себя растрачивали...

Полынья

Гулко выстрелил лёд.
Чёрной молнии мгла –
Между мной и тобой
Полынья пролегла.
Злой и чёрной водой
Пролегла полынья,
Отделяя всё больше
Тебя от меня... Ледяная вода
Почву рвёт из-под ног.
Жаль, что кто-то устал,
Жаль, что кто-то не смог...
С белой льдины своей
Руки тщетно тяну.
Если ты не протянешь –
Упаду, утону...
Но, как пропасть,
Меж нами растёт полынья...
Будет поздно...
А сможешь ли ты без меня?

Одиночество

Льёт дождь
Беспробудно.
Бьёт дрожь
Словно в бубен.
За что ж
Эти будни?
Чем дальше -
Тем хуже:
Страшная
Стужа,
И кашель
Натужен.
Стакан
Всё не выпит.
Тоска –
Криком выши.
Оскалом –
Улыбки...
Надежда,
Молимая:
Как прежде,
Люби меня!
Но где ж ты,
Любимая?..

Вспомни...

Ты вспомни губ её касание,
Как наказание.
Ты вспомни рук её объятия,
Как проклятье...

Удары судьбы

Били ногами
Жестко и грубо.
В пах и по рёбрам.
По почкам и в губы.
Били и били...
Уж лучше б убили!..

Но не убили,
А убивали.
Призраки плали
В кровавом овале...
Деревья застыли
Вниз головами...
Подняться хотелось,
Но встать не давали.
Проклятое тело...
Болят и кровавит...
Убейте ж!
Но били – не убивали.
И силы у бьющих не убывали...
Осталось немного...
Нет истовой боли.
Нет стога немого.
И жить нету воли...
Как небо синее!..
Как ветер поёт!...
Сильнее!
Сильнее!!!

Ну, кто же так бьёт...

Троллейбус

Я стою на остановке и жду троллейбуса,
А они мимо меня мчатся, мимо...
А мне только одно требуется,
Чтобы рядом со мной была моя любимая,
Чтобы рядом была, ко мне прижалась,
Называя меня родным и любимым,
И чтоб мимо нас троллейбусы мчались...
Только жизнь чтоб не мчалась мимо!

Но троллейбус пришёл. Номер тот, что нужен...
Всё помчалось назад. И всё мимо, мимо, мимо...
И не ждёт меня дома жена. И ждёт остывший ужин.
Но только нету со мною моей любимой...

Признание в нелюбви

Ты мне жена
И не жена.
Ты и нежна
И не нежна.
Ты и нужна
И не нужна.
И я тебе совсем не муж –
Не упасу от зимних стуж
И слякоти осенних луж...
Так для чего улыбок ложь,
Цена которым - медный грош?
И фальшь, как в спину финский нож...

Тоска сквозь цинизм

Глажу бёдра твои точёные,
Обнимаю за плечи гладкие,
И в глаза гляжу твои чёрные.
Вижу всё... Но не вижу загадки я!
Слишком стали мы все учёные,
Ну, а значит, - немного гадкие.
С сердцем собственным разлучённые,
А на тело чужое падкие...
Было светлое, стало чёрное –
Уж какие там к чёрту загадки!
Где же чистые, утончённые?..
Где же строгие?.. Где же сладкие?..

Мы – современны ...

Мы современны – это верно.
От всех мы прячем, словно скверну,
Порывы страстные души.
Мы современны – это скверно!
Как было б хорошо, наверно,
Жить дикарём в лесной глуши,
Быть искренним, любить безмерно,
И быть себе хотя бы верным,
И чувств друг к другу не глушить...

Северянизмы

Любви хочу лишь всепоглощающей,
Всеубивающей и всепрощающей!

Любви хочу я лишь беззаветной,
Бесстыдно яростной и беспросветной...

Любви хочу я всеосвящающей,
В потёмках жизни всеосвещающей,
Как ключ хрустальный, всеосвежающей.
Любовь хочу я, как солнце светлую,
Как всполох радуги - всю всецветную,
В душе звенящую, как песнь неспетая,
Как смерть всеильную, неумолимую.
Как жизнь, ранимую, неопалимую...

Вам – семнадцать?

Мне за вами не угнаться!
Вам, наверное, семнадцать?
Но не надо задаваться!..
Скоро станет вам за двадцать.
Годы мчат быстрее птицы:
Взмах крыла - и вам за тридцать.
Ясен ум и взгляд ваш зорок,
А глядишь - уже за сорок.
Внуки ходят в детский сад...
Чёрт возьми! - за пятьдесят!
Пенсионный срок настал –
Вам рукой подать до ста...
Нет, не надо зазнаваться
Оттого, что вам семнадцать...

БАЙКАЛЬСКАЯ МАДОННА

Байкальская мадонна

Костер бросает блики.
Как на иконах лики:
Глубокие глазницы,
Рта линия остра...
И будто лак лоснится
На лицах свет костра.
Но среди лиц одно,
Как в даль небес окно,
Как сказочный магнит
Меня к себе манит,
Не оторвать мне взор –
Глаза – зовущей бездной,
Волос ржаной узор
И щёк румянец бледный..
Байкальская мадонна!..
Костер... Дощатый ящик...
Тайги сибирской чаша...
И неба тьма бездонна...

Иркутская Мона Лиза

Полусумраком согретый,
Я к тебе ужасно близок.
За дымком от сигареты
Ты с улыбкой Моны Лизы.
Улыбаешься глазами –
Мрамор серо-голубой.
Мы пока что не сказали,
Что так важно нам с тобой.
Тонких пальцев дрожь и холод
Я в ладонь свою ловлю.
Мир как надвое расколот
Тем, что я тебя люблю...
В половине - ты и только,
Остальное всё - в другой...
Брачным ложем в баре столик,
Где рука лежит с рукой...
А волос твоих касанье
Сеет ласку по лицу,
Грустно: зимнее сказанье
Приближается к концу...
Слов не надо. Слов не надо...
Боли в сердце не унять.
Не могу найти я сладу
С тем, что в сердце у меня!

Глаза русалочки...

Глаза русалочки твои ли,
Иль голос, тихий и манящий,
Мне сердце будто раздвоили
И заставляют биться чаще.
Я рад, что жизнь, судьбу плетя,
Вела меня такой дорогой,
Что встретил я в пути тебя
Такою страстной недотрогой.
Пусть жизнь течёт, как и текла,
Пусть, как всегда, живём устало,
Но ведь теперь в душе тепла
Хоть на чуть-чуть, но больше стало.
И память тихо бередит
Воспоминанье встреч минувших.
И светит где-то впереди
Огонь надежд. И греет душу...

Осень яркой свечкой тает

Осень яркой свечкой тает.
Жизнь пошла на убыль.
Потянулись к югу стаи.
Рек сомкнулись губы.
 Как распяты, сеют трепет
 Леса голые стволы.
 И бредут в унылом небе
 Туч усталые волю.
Время жаркой свечкой тает.
Жизнь идёт на убыль
И безжалостно листает
Нелюбимых губы.
 Я распят, как на Голгофе,
 Стигмы кровоточат...
 Твой почти забытый профиль
 Сердце болью точит....

Одиночество

Дни из жизни летят,
Словно птицы осенние к югу..
Вспоминаю тебя,
Будто лето в морозную вьюгу.

О тебе опять мечтаю

О тебе опять мечтаю,
Жизнь свою, как стих, читаю,
И, как свечка, тихо таю,
Но в тоске не причитаю.
Только грустно дни считаю...
С веток лист, шурша, слетает.
Исчезают птичьи стаи.
Снег то выпал, то растаял.
Песнь дождя звучит простая,
Ноты осени листая...

Синь озёр в твоих глазах...

Синь озёр в твоих глазах...
И копна волос - пшеницей...
Лет пятнадцать так назад
На тебе бы мне жениться!
Сколько тел промчалось зря
В полумраке без тебя!
Но в конце концов заря
В грань оконного стекла
Жаркой радугой втекла,
Осветила всё и вся,
Закрутила коромыслом...
В душу, где огонь иссяк,
Ты, тепло своё внеся,
Поселила жизнь со смыслом.

В этом мире

В этом мире, где люди и нелюди,
где несчастье со счастьем живут,
где скользят все, как осень по наледи,
мы с тобой одинокие тут.

Одинокие тем, что мы счастливы,
тем, что нам хорошо друг с другом,
тем, что даже в поры ненастные
есть на чью опереться руку...

Не завидую чьей-то удаче,
не коплю на другого зло.

Ну, и как я могу иначе,
если мне – не ему! – повезло.

В этом мире, где счастье с несчастьем,
где живут и любя – не любя,
счастлив тем, что в вселенском ненастье
повезло мне - я встретил тебя...

Нет видимых причин...

Я постепенно утопаю в счастье...

Писать стихи нет видимых причин.

Я стал к весне как будто бы причастен,

Ответствен стал за то, куда бегут ручьи,

Как светит солнце, набухают почки,

За то, чтоб птиц звенело щебетанье,

За то, чтоб ты меня любила очень,

Таня...

Любовь осенняя

О первая любовь весенняя!
О майских гроз до слёз смятение!
Когда вся жизнь ещё – как вечность,
Когда бездумность и беспечность.
Когда кричишь «Всё иль ничто!»,
В руке сжимая водки штоф.
И это не твоя вина,
Что ты пьянеешь без вина.
 ... И постепенно как-то это
 Сползает тихо в буйство лета.
 И мы всему безумно рады –
 Сверканью солнца, блеску радуг
 В цветах волшебных побежалости.
 И рвём, и рвём цветы без жалости...
Но я пою любовь осеннюю,
Любовь - как будто осенение,
Любовь - как будто озарение,
Любовь - как будто одарение.
Любовь не первая - последняя:
Как днём осенним солнце летнее,
Когда ты ценишь каждый лучик,
Когда всё понимаешь лучше –
Цену надежд, цену неверия...
Когда зимы уже преддверие,
Когда цветы – скупой багульник
(В зиме весенний богохульник!),
Когда не думаешь, что вечен. ...
И догорают тихо свечи...
Как короток осенний вечер!
 И я пою любовь осеннюю –
 С моей Голгофы Вознесение...

Я понял – жизни нет цены!

Я понял – жизни нет цены!
Не потому, что жизнь бесценна –
Я б за неё и в дни весны
Не дал бы ломанного цента.
Конечно, благо – неба синь,
И воздух сам, которым дышим,
И если друг – не сукин сын,
И есть, что есть, и мир под крышей.
Я жил, смеялся, говорил,
Ел, пил, ходил, шутил, судачил...
И вдруг я дверцу отворил
В другую жизнь...
О бог удачи!

Я понял – жизни нет цены!
И жизнь – не балагана сцена.
В ней все мгновения ценны,
А потому вся жизнь – бесценна!
Твой голос, и твои глаза,
И платина твоих волос –
Всё, как святые образа,
В душе моей отозвалось...

Я ждал тебя всю жизнь...

Я ждал тебя всю жизнь - и долгими ночами,
И днями, полными ненужной суеты.
Я ждал тебя всю жизнь. Душа жила в молчанье.
Жизнь таяла, как на песке следы...
Мой век перевалил давно за полдень,
Но и на утро юности его б не променял.
Теперь я жаждой жизни переполнен.
И это ты, Ты сделала таким меня!

Осень

Осень. Сосны тихо плачут.
Воздух влагой напоён.
Мы с тобой живём на даче...
Сон это или не сон?
 Берег моря волны лижут.
 Чайки с шумным гвалтом кружат.
 Ты прижмись ко мне поближе,
 Будто от сибирской стужи!
Обниму тебя за плечи,
В поцелуях утоплю!
Помолчим... К чему нам речи?..
Как же я тебя люблю!..

Терпкое вино

В кружках глиняных налито
Терпкое вино...
Наше чувство в жаркий слиток
Нежно сплетено.
В третьей кружке свечка тает
В дымке голубой...
Тени по стенам витают,
Вторя нам с тобой...
Завтра снова будет вечер,
Вместе будем вновь.
Зажигать мы будем свечи,
Будем пить вино.
Снова нам с тобою тени
Будут отвечать.
И как будто бы в смятенье
Задрожит свеча...

Мерцанье свеч

Луна. Цветы. Мерцанье свеч.
Едва видны твои ланиты.
И волосы твои обвиты
Вокруг твоих волшебных плеч.
Цветы. Мерцанье свеч. Луна.
И рук волнующих извины.
И в темноте едва видна
Ты вся изгибом дивной ивы...
Мерцанье свеч. Луна. Цветы.
Ланиты, волосы и плечи...
Всё в этом мире - только ты!
И пусть всю ночь пылают свечи.

Грига пение

В тебе и Грига пение
И магия шаманская...
В тебе игриво пенится
Искристое шампанское...
И светят откровением
Очей влюблённых омуты.
Мне даришь откровение,
Что не отдашь другому ты.

ГЛАВНОМУ НАРКОЛОГУ СССР

**и его окрестностей
тов. Гарберу Марку Рафаиловичу
от гр. Ушаковой Т. В.**

ЗАЯВЛЕНИЕ

Примите срочные меры: мучат меня химеры. Мучат и ночью и днем, как только я вспомню о нём. Ужасные мнятся виденья. Устала бороться я с тенью: задержится на пять минут, меня уж сомнения мнут, и жгут, и колют, и душат, пронзают и сердце и душу, ночами заснуть не дают, ломают домашний уют. А если на час опоздает, во мне всё доверие тает... Мне тут же становится жутко: а вдруг опоздает на сутки? И снова сомнение жжёт: а вдруг опоздает на год? А вдруг опоздает на два? Кружится совсем голова.

И вот я совсем в тумане: а вдруг завтра солнце не встанет? А вдруг будет день без полудня? Вдруг праздник заменят на будни? Вдруг в кране не станет воды? Вдруг месяц не будет еды? И вот я уж ночь, как не сплю. И ужас коплю и коплю...

Чтоб жизнь прожила не без толку, возьмите большую иглоку, найдите ту самую точку – запястье, предплечье иль мочку... Я муки любые стерплю – я мужа ужасно люблю!

7.12.84

Как-то перебирая бумажки (а на столе, в его ящиках и на книжных полках у меня страшный бардак!), я нашел тетрадочку в коленкоровом переплете, и сердце мое трепетно застучало: это же мои юношеские стихи! Читать было интересно, хотя теперь я многое написал бы по другому. (Впрочем, сейчас *так* я бы написать уже не смог!..)

Здесь маленькая подборка стихов, начиная с 15 лет и кончая 17-ью. То, что я посчитал показать нестыдным (со скидкой на щенячий возраст автора).

Не взыщите...

ИЗ СУНДУКА ВОСПОМИНАНИЙ

Осень

Давит
 мрачная
 осень...
Серый день
 вонзается шпкой стальной.
День осенний
 для меня несносен.
Осенью
 я просто больной...

Небо в 18 лет

На скатерть неба высыпали звезды...
О чем-то задумавшись, висит Луна.
Дурманит
 немного прохладный воздух.
А сердце ноет, как расстроенная струна.

Тоска

Страшен тоски оскал.
На все и на всех
наложит свою печать тоска.
Пошл смех.
И всякая шутка плоска,
как мелкая тарелка.
День за днем с календаря,
как с осеннего дерева,
 оппадают листочки...
Беспощадней
 развешивающего висельников
 по фонарям –
длинные зимние ночи.

Октябрь уж наступил...

Осень.
 Холодно.
 Мокро.
Небо серое,
 Сырое.
Тихо,
 Только хор ветров
за углами воет.
На деревьях
 лист желтеет,
падает на землю.
С каждым часом
 все пустеет,
все
 как будто дремлют.
Ветер дунет –
 зарябит
на дороге лужи,
да листочек подлетит,
скорчившись от стужи.
Мелкий дождик
 барабанит
по стеклу окна:
скоро
 и зима настанет...
Как близка она!

1950 (8-й класс, 15 лет)

Перерождение пессимиста

Внизу –
 грязь.
 Вверху –
 мрачные крыши.
 Рвутся в небо и –
 не могут, несчастные пленники.
 Стонут,
 изнывая,
 тянутся выше,
 выше
 деревьев лысые веники.
 Сумрачно.
 Закат рассосался.
 Мокрый асфальт блестит под фонарями.
 Луны
 лимонный череп показался
 и повис над нами.
 А рядом, у шоссе,
 как вторая луна, -
 фонарь;
 на нем черным –
 «Пе-
 ре-
 ход».
 А над –
 провод гудит,
 как балалаечная струна...
 Сердце жмурится от таких красот!
 Мне все это по сердцу,
 все это близко...
 (Дождь только нудный
 рыдает напрасно.)
 Всё – от асфальта до лунного диска –
 всё,
 по-моему, просто прекрасно!

Новогоднее другу детства

Плохо, когда с душой наизнанку
и когда топчут бархат сердца грязью подошв.
Сколько было,
 мать их за ногу,
в этом сердце людей и плохих, и хороших.
Все перепутал сквозняк событий.
Я устал.
 Сердце устало.
 И ты не тревожь его.
Сколько же в нашем обрыдлом быте
всякого нехорошего!
10 лет – как рукой снят**ы**..
Ты один б**ы**л
 честный и чуткий друг..
И если б не ты,
я в жизни
 давно б просверлил дыру.

Другу

*Душу, кровавая, вывернул наизнанку
ковром вам под ноги.
 Ну, что ж вы?..
Только посмотрите,
 пожалуйста,
 на ноги:
чтобы не очень грязные подошвы...*

Изменился,
 ходишь, как неприкаянный.
Стал неулыбчив.
 Несдержан не в меру.
Знаю:
 ищешь того Каина,
который убил любовь,
 надежду,
 веру.

Я знаю,
 какая на сердце нудь.
Но ты попробуй ее удуши.
Мне вот тоже хочется отхаркнуть
окровавленную мокроту души.
И вечером,
 когда ландыши фонарей
теряют на улицах аромат полумрака,
мне хочется убежать куда-нибудь поскорей
и с сердцем собственным
 затеять
 драку...

РАЗМЫШЛЕНИЯ

* * *

Покой нам только снится,
Да только вот не спится...

В патриоты не гожусь

В патриоты не гожусь,
Тем, что русский, не горжусь.
Чем гордиться? Грязью? Лению?
Пьянством в надцатом колене?
Тем, что живы без царя?
(Ну, а может, даже зря...)
Тем, что хамство и холуйство?
И смирение? И буйство?
Тем, что много говорим,
Но давно уж не горим?

Я не поэт...

Я никогда не сидел в ГУЛАГЕ –
Помню только пионерский лагерь.
Я никогда не писал слово «...» на парте.
Позже вместе со всеми
Попребывал в Вэ-Эл-Ка-Эс-Эме
Потом стал даже членом партии.
Меня никогда не высылали за границу,
И друзьям не нужно было меня сторониться.
Я не состоял никогда в диссидентах,
Не участвовал в антисоветских инцидентах.
Наоборот – вел общественную работу
И ипачил «во славу» аж до седьмого пота.

Меня никогда не репрессировали власти,
Хотя им и не расточал лести.
И вообще по этой части
Всё и всегда было на месте.

... Я пишу стихи, но я не поэт –
Венца мученика на мне нет!
Ведь в России, чтобы прослыть поэтом
Нужно, чтоб сорвали с тебя эполеты,
Чтобы сломали над головой твоей шпагу,
Чтобы влип ты в анти-какую-нибудь передрагу.
Уж такой у нас странный народ –
Власти поклоны земные бьет
И в то же время он любит до страсти
Тех, кого ненавидят власти!

Колыбельная

- Расскажи-ка мне, милый дедусь,
Про великую матушку-Русь.
Мы ведь, правда, самые-самые?
- Ох, не смотрят давно уж глаза мои,
И с полсотни, наверное, лет
Не читаю я вовсе газет.
То, что было давно, помню лучше.
Расскажу я про прошлое, внучек.
Ну, а мало покажется коли,
Остальное узнаешь ты в школе.
- Ой, дедусь! Но у нас историчка –
Верноподданная истеричка:
Новый только вступил Генеральный –
Сразу он у нее гениальный.
Я, конечно, сижу – ни гу-гу...
Но понять ничего не могу!
- Милый внучек, но я-то берусь
Рассказать лишь про старую Русь.
Умолчим о событиях близких –
Не пойдем мы по камушкам склизким.

Так учил нас великий Кузьма,
А ведь он был большого ума.
На Руси встарь
Был царь –
Батюшка-государь.
Ну, как нонешний секретарь.
Правил
Державой
Правильно,
Справно.
Раздавал пинки налево-направо.
Своих вельможей
Бил по роже
И еще кой по чему тоже.
А крепостных рабов
Бил до горбов,
А то и до гробов.
Ну, а тех, кто зарился на престол, -
На кол.
Ясно, супротив царя –
Всегда гнусная порода.
Ведь не зря –
Это всегда враги народа!
Эх, Россией, эх, Россией
Кто, дружок мой, не правь –
Хоть от пьянства с мордой синей –
Все равно: он царь, он прав.
Полужив – такая старь!
Все равно он Государь!
Иль распутнейшая тварь –
Все равно он Государь!
Сволочь, изверг и подлец –
Все равно он Царь-Отец!
Если ж просто он дурак –
Это лучшее из благ.
Словом, царь всегда пророк,
А значит впрок
Любой порок!

Правила Расей
Больше немчура.
А уж народ рассеянно
Всем кричал «Ура!»
Были и Рюрики
И прочие мазурики.
Лишь бы на троне
Да при короне!
Правили не болваны,
Даже хитры:
Грозные Иваны
Да Великие Петры.
Правда, и Павел –
Глуп, да правил.
А Катьки
Да Лизки?!
У, мать их,
Одалиски!
От конюхов до знати –
Всех грели в кровати!

(Ударившись в историческую науку,
Дед забыл, что рассказывает-то внуку!)
Но Россия чем сильна?
Ей все – что Моська для Слона.
Ею правь али не правь,
Только черни чуть потрафь,
Вдоволь дай попить винца...
Но имей запас свинца!
Жила Расея,
Жня да сея,
Гнала за границу
Лес да пшеницу,
Лён да пеньку –
Зашибала деньгу.
Жила Расея,
Голясь да босея,

В грязи,
В заразе
Да в темени,
Вша
Чеша
Из темени...
Самогонки стакан,
Корку – в занюшку,
Да табака
Понюшку.
А чтоб жить весело –
С кольями село на село.
Апосля над убитыми
Слезу уронят
И с мордами испитыми,
Воя, похоронят.
Но не думай, внук дорогой,
Что не было России другой.
Откуда-то вдруг из всей этой мрази
Пошел гулять по Руси Стенька Разин.
Побился- побился, как об лед рыба
Да и угодил прямиком на дыбу.
А после гулял по Руси Емеля.
хотел мужик стать русским царем.
Не знаю, правду ли люди мелят –
Продан был своим же ворьем.
Но честно и к стати –
Оба были те еще тати!
А потом было много чистых,
Честных и благородных людей.
Слышал, небось, про декабристов,
А ведь не знаешь про их идеи!
Только и учите одну цитату:
«Страшно далеки они от народа...»
А ведь они заплатили такую плату!
Ради кого? Ради всякого сброда...
Сколь в России не меняй царя на царя –
Все зря!

Россия – река бурлящего сброда.
В ней нет брода...
Дед обмяк, уронил руку,
Засопел, убаюкав себя и внука...

Июль. 1918

(к 70-летию расстрела)

Поздний вечер.
Через двор с конвоем –
трое взрослых,
пятеро подростков.
Их вели дорожкой боковой.
Выглядело всё и буднично, и просто.
Всё семья бывшего самодержца.
Каждый взят –
детей считая –
на прицел.
Сам с достоинством особым держится –
ведь мужчина!
(И к тому же - офицер.)
Говорит жене: «Не плачь... Не надо!»
Сына гладит по ершистым волосам.
А солдат
его легонько в бок прикладом -
мол, давай,
иди быстрее сам!
(Ведь солдат-то знал,
что в путь последний
шли и бывший царь
и маленький наследник.
Вот почто девчонок в тот же путь -
даже тот солдат не мог смекнуть.)
Правду понимал и гражданин Романов,
улыбаясь дочерям и сыну для обмана...
Где же ум?!
И где же честь?!
И где же совесть?!
Если взвод стоит, для казни изготовься?..

Жаль, что не завязаны глаза...
Не причудятся святые образа,
Матерь Божия не улыбнётся напослед,
И Христос не ниспошлёт свой тихий свет...
 Ах, сырая мать земля!..
 Сырой подвал...
За спиной стоят,
 на каждого – по два:
на детей,
 на няню,
 на отца,
 на мать...
Знать 16 ружей надо подымать.
Грохнул залп –
 и вся восьмёрка наповал...
Запах пороха наполнил весь подвал.
Гражданин Романов замертво упал –
Николай Второй и впрямь кровавым стал...
Кровь сочится из кровавых спин...
Стал кровав и Николая сын...
 И от четырёх кровавых дочерей
 кровь
 ручьями
 льётся
 до дверей...
И жена кровава...
 И служанка...
Ничего
 и никого
 для Революции не жалко!
Только чья-то, видно, дрогнула рука:
с первым залпом не доби́ли царского сынка.

 Детский стон –
 Всей революции укор!
...Комиссар достреливал в упор...

Из подвалов и щелей скорей вылазь!
Ведь теперь твоя в России власть!..

Власть - твоя. А смерть – его...
И с ней
красный флаг твой стал ещё
красней!..

Так вперёд!
Шагай,
отмеривая вёрсты!

Пусть трепещет классовый твой враг!

Впереди -
террор,
комбеды,
продразвёрстка...
Но зато ещё краснее станет флаг!

Может быть, печать проклятья Каина
с той поры
над Русью неприкаянной?
Может, с той поры мильоны Авелей
Каины
по тюрьмам раскровавили...

Не за это ли
в России мы сносили
годы тяжкие расстрелов и насилий?..

Жертвы завтрашние...
Господи,
спаси их!
Помоги!
Сними проклятие с России!..

2.

Крик и паника в чайхане –
Смерть въезжает на чёрном коне.
Только пятеро белых птиц
Не бегут и не падают ниц.
Как и прежде, играют тасы.
И как прежде, поют седовласые...
Три муллы Кораны несут,
Начинают неправый суд.

3.

Чёрный ворон крылом
Зачеркнул синеву –
То добро перед злом
Наклонило главы,
Злу поётся хвала,
Гимн поётся беде.
Чёрный ворон-мулла
Заклевал лебедей...
Вкруг шеи верёвки круг...
И плети сломанных рук –
Свой тас не возьмёт ашуг...
В тиши только сердца стук...
Круг петли смертельно тесен...
Замолкли навеки пять песен...
Пять певцов бессловесны...
 Пять ашугов безвестных
 На старой чинаре повешены.

5.

 О аллах,
Если вера в тебя – это горе и страх,
 О аллах,
Если вера в тебя – ужас в детских глазах,
 О аллах,
Если вера в тебя – это вдовы в слезах,
 О аллах,
Если вера в тебя – боль в сиротских сердцах...
 О аллах...

Если горе, и ужас, и слёзы, и страх...
То зачем эта вера в тебя,
О аллах!

6.

Погасло пять солнц...
Пять небес погрузились во мрак...
Вечный сон...
 Вечный сон...
 Вечный сон...
 Вечный сон...
 Вечный сон...
 Вечный сон...

Из зеленого чёрным становится флаг.

Сумгаит. 1988...

Как ласточки тело
В предсмертной агонии –
В небо три стелы.
И вечный огонь.
Вечная память
Погибшим армянам!
Вечное пламя
Пылает багряно.
Терзает душу.
Терзает сердце.
И разум сушит...
И всё не верится.
Кто-то точит
Кривой ятаган,
Врывается ночью
В дома армян...
И кровь рекой,
И стоны, и плач...
Жестокой рукой
Убивает палач.

Жизни *от*няты,
Жилища спалённые...
Убиты – не сотни,
А миллионы!..
Вечная память
Погибшим армянам...
И вечное пламя
Пылает багряно..
.....
В сумерках Сумгаит.
Загорается в окнах свет.
Вот там он уже горит,
А там и вон там – ещё нет...
Знать бы, что свет окон –
Тайный сигнал для погрома!
Но горит, не мигая, огонь
В окнах армянского дома...
Тревога, как перед грозой...
Тревога, как тучи мгла...
Тревога смертельной горзой
Вползает, крадучись, в дома...
Утром ходил участковый,
Записывал всех армян.
Совсем незнакомый, новый,
И вроде бы чуточку пьян.
Но это, правда, понятно –
Водкой торгуют с утра.
«Власть пошла на попятную» –
Сказала в буфете Зухра.
Но слишком уж часто спьяну –
И на работе, и во дворе –
Цепляться стали к армянам,
К взрослым и детворе.
Это ль причина тревоги?
Или – на улице темень?
А может, беда на пороге?
Неужто будет, как с ТЕМИ ...

Вот и день заалел, зарею багрян...
Но не солнца лучами,
А кровью армян...
Вечный Огонь сегодня горит
И по тем,
Кого убил Сумгаит!..

Ходим боком под Богом

Мы все ходим под Богом,
Под его неусыпным оком,
Ходим не прямо, а боком,
Пугаясь открытых окон.
И день начиная новый,
Ничего мы не ждем иного.
Живем мы, как на погосте,
У жизни случайные гости.
А Бога и не было вовсе!
Мощи – вовсе не кости.
Все оказалось непрочно:
Зачатие непорочное,
Евангелие неточное,
Копье в боку незаточенное.
Мы сбросили Бога к черту!
Ходили свободные, гордые.
Без Бога – дикие орды! –
Мечтали: своротим горы!
... Но придумали нового бога..
Туда, видно, нам и дорога!

Король умер!... Да здравствует король!

О смерти Короля нас известили.
Мы вырвались на волю из Бастилии.
Тиран подох! Тушица и подлец!
Как ненависти пепел стучит в мильон сердец!
 На площадях на улицах Парижа
 Сжигаем чучело его: Гори! Гори же!
 Свою подружку за собой влеку я,
 И мы в толпе безумствуем, ликуя.
Мы пляшем на могиле Короля
Да так, что ходит ходуном земля!
И длится пир за полночь далеко,
И пьется так бургундское легко!
К полудню хмель тяжел и боль в висках,
Как будто голова в стальных тисках.
Энтузиазм толпы пошёл на убыль.
И вновь герольды всюду дуют в трубы.
И чернь опять привычно входит в роль.
То там, то сям кричат «Виват Король!»
И снова в умиленьи прослезясь,
Колени преклоняют прямо в грязь...
 И мы с моей подружкой поостыли.
 ... А уж опять звенят ключи Бастилии...

Лена и Володя

Жил когда-то мальчик Володя.
Ничего особого вроде.
Может, о нём и не знали бы поколенья,
Но попалась мальчику девочка Лена.
Не знаем плохая была или хорошая,
Но втрескался в неё Володя по уши.
Потом попадались Надежды, Инессы...
Чтобы отделаться от сексуального стресса,
Мальчик работал без устали и лени,
Всё время думая о Лене.
Придумал себе прозвище - Ленин.

Так что роль Лен в истории велика.
Это не только в Сибири река...
Но всё же если у вас ночные поллюции,
Не компенсируйте их мировой революцией,
Хорошо?

Астероид челябнулся...

Астероид челябнулся где-то в России,
Над страной, где никак не настанет рассвет.
Это что – благовест о явленье Мессии,
Что спасет нас от будущих бед и побед?

Или это простое природы явление,
Что бросает в нас камни Господней рукой?
Только исподволь все ж возникает сомненье:
Почему же не выбран был кто-то другой?

Можно б выбрать кого-то из Мекки-Мудины*,
Где унывно, буквально всю ночь напролёт,
Кукаречат о чем-то своем муэдзины,
Призывая к чему-то безмолвный народ.

Ну же, Господи, если взаправду ты есть,
Объясни недоумку, в мозгах моих узких:
Чем же мы заслужили высокую честь,
Что ты любишь безмерно евреев и русских?

*Искажение сделано лишь для удобства рифмования.
Просьба не искать второго смысла

ГОСПИТАЛЬНОЕ

Неотложка

Все мы кончаем на свалке –
Кто помоложе, кто постарше...
Везут меня вперед ногами на катафалке...
Нет, нет! Еще без похоронных маршей!

...«Неотложка». Просто «неотложка»...

*... Восемь дюжих парней вломились в квартиру,
Будто арестовывали террориста.
А я лежу тихо и смирно.
«Девять-одиннадцать» - работают быстро.*

...«Неотложка». Просто «неотложка»...

*...Боль не утихает,
Хотя стала тупая, глухая.
Сердце вообще противная штука,
Когда из груди рвется, гукая...
И вот под истошный сирены вой
Загрузили в машину. Спасибо – вперед головой.
Машина помчалась, оря и тормозами визжа,
Будто под хвост ей попала возжа.*

...«Неотложка». Просто «неотложка»...

*...Время будто застыло,
А потом закрутилось вспять:
Из памяти полезло не то, что постыло,
А то, что пережил бы опять и опять...*

*Санитары бесстрастно сидят по бокам.
Униформ чернота, жилеты оранжевы, –
Прямо-таки, осетрова икра да семужьи бока!..
Мысли скачут, как никогда раньше:
Сонмы ярких живых картин –
Будто провало памяти карантин.*

...«Неотложка». Просто «неотложка»...

Москва, Ленинградский проспект. Аллея,
Где по весне шатались, шалея...
О детства и юности Золотой Век –
Лучшая веха из лучших вех!
А эти детские считалки-стихи,
Сколько в них милой, дурной чепухи!

«Дождик-дождик, перестань!
Я поеду в Эривань...»

«Драки-драки-дракачи,
Налетели палачи...»

«Аты-баты,
Шли солдаты...»

«Тили-тили-тесто,
Жених и невеста!..»

...На дворе –трава,
На траве – дрова...
...В голове – Москва...

Первые детские влюбленности -
Без общения, без определенности:
Только взгляды, как змейки-молнии,
А за годы и слова друг другу не молвили...

...В юности все быстрее и проще –
Как ласточкина крыла по небу росчерк.

Воробьевы горы. Еще без университета.
А под ними Москва в купола разодела...
Я думал, что нет ничего прекрасней!
Ведь жизнь была: что ни день – то праздник!

*Вой сирены возвращает меня в сегодня.
Ах, память! Какая же, право, ты сводня:
Созвала ко мне на свидание
Все, чему не отдал должной дани я!*

...«Неотложка». Просто «неотложка»...

... Венеция – Италии изумрудный венец.
В воде отражается неба свинец.
Гранд Канал – гондолы, гондолы, гондолы...
Гондольеры лениво виляют веслом,
словно рыба хвостом...

Вот, по преданию, дом Отелло – Каса д'Оро...
Горбатится Понте Риальто – плывем под мостом...
Дворец Дожей
Из тумана ожил.
Напротив церковь элегантно-уютна –
Санта Мария де ла Салюта...

Из-за колонны со львом вырывается площадь Сан Марко,
Где от булькающих голубей суетно и марко.
Здесь, в кафе «Флориан», в том, что в самом углу
Этой жемчужины Венецианской лагуны,
Я пью кофе, вглядываясь в наступающую мглу,
Там же, где когда-то пили Куприн и Бунин...

И парень чугунный, напоминая жизни тщету,
Кувалдой чугунной отбивает часы по чугунному же щиту.
«Дун-н-н!.. Дун-н-н-н-н!»-
Вещает старый колдун.
Голуби взлетают, в панике галдя.
Туристы через видоискатели глядят.

...Говорят, что счастливые не наблюдают часов.
А у этих что? Счастье заперто на засов?

*Машина мчит, сирена безумствует,
А в заднем окне – жизнь безумная:
Деревья, дома, какие-то странники –
Все бегут от меня назад, как в панике...*

...«Неотложка». Просто «неотложка»...

Так же отчетливо после Сан Марко
Возникает Триумфальная Арка.
Круговерть, как в ярмарочном колесе, –
Вечно празднично на Шанз-Элизе.
Есть время «пройтись»: час еще до
Ужина с легким стриптизом в «Лидо»...

...А вот Этюаль –
Улиц лучи уходящие вдаль...

...Большие Бульвары. Традиционных каштанов горсть.
(Во век бы не ел, если б не был я гость!)
В Латинском квартале – быстро на быстро:
Бургундское, пиво и просто сидро.

Наш поиск упорен и в чем-то глуп:
Жаждем попробовать луковый суп.
А его не подают после пяти –
Это вам не харчо и не пити!

У Нашей Мамашы (читай – «Нотр-Дам»)
Столпотворенье, толкучка и гам.
Спокойствия лишь являют примеры
Взирающие сверху на зевак химеры...

...Сакре-Кёр возвышается девственно чиста –
Почти что верится и в Марию, и в Христа...
Оттуда, с макушки Монмартра виды
На Лувр, Нотр-Дам, д'Орсо, Инвалидов...
Безумье Эйфеля стремится в поднебесье...

Париж! О Париж! Вечно юная песня!

*Неотложка все мчится и мчится без усталы,
Сирена все так же ревет и безумствует.
В окошке машины, как раки, ползут назад,
Тараща по-рыбьи неморгающие глаза.*

...«Неотложка». Просто «неотложка»...

...Стальная Нева. Петропавловский шпиль
С отраженьем в воде хвостом змеиным.

... Сфинксы, Невы стерегущие штиль.

Все иррационально, все неизмеримо.
С одной стороны – красота Венеции.
Невской лагуны гранитный венец. И
С другой – вечная тяжесть туч свинца,
И дожди без конца... без конца... без конца...

Васильевский остров – мой отчий очаг,
Твой образ живет со слезой на очах...

...А стоит блеснуть с поднебесья лучу,
Я в Летний, забыв все на свете, лечу,
Целую глазами лазурь Эрмитажа,
И столп, что с крестом и архангелом, глажу...
Но солнце здесь – миг, а потом – мутата:
Ветрилы, дождищи, снега, холода...

Как трудно любить то, что трудно любить!
...Но русским поэтому трудно и быть...

*Мчится и мчится вперед неотложка.
Осталось, как видно, совсем уж немножко...
А пальмы в окне
Шлют приветствия мне,
Качают кудлатыми головами –
Он же не может общаться словами!
И я им в ответ, вспомнив матушку-Русь,
Беззвучно кричу: «Я еще возвращусь!»
...«Неотложка». Просто «неотложка»...*

...Иду Христом по воде, как по суху.
И даже без христово посоха –
Февраль и Байкал! Лед двухметрового роста.
У берегов – колючки торосов.

Но отойти метров на двадцать –
Можно миром иным любоваться:
Ляжешь на заснеженную ледяную толщу,
Расчистишь корявую наледь на ощупь,
И видишь царство подводное:
Рыбы, как птицы, парят лениво и свободно...

Зима. Ни облачка. Неба синь рассиянна.
На том берегу, вдали – в белых треухах Саяны.
Тишь. Даже нет дуновения ветра:
Под белою ношей гнутся пихты и кедры...

*Скрежещут отчаянно тормоза...
Я спал? Нет, забылся. Открываю глаза.
Опять за окном мельтешенье природы –
Вверху эвкалиптов смыкаются своды.
Дорога летит в направлении попятном -
Я скорость читаю по солнечным пятнам.
Солнце мелькает в эвкалиптовой кроне...
Звучит в голове: «Чуть помедленней, кони...»*

...«Неотложка». Просто «неотложка»...

...Мост Ватерлоо повис над рекой –
Арок его нескончаемый строй.
Чаяк галдящих назойливый рой.

...Чайки над Темзой... Как у Моне!

Биг-Бен величаво парит в вышине...

Вестминстер, плывущий через века,
Ласкают низкие облака...

Тауэр... Букингемский дворец...
Такое б не смог сотворить и Творец!

Почему-то в детстве моем голодном,
Моею мечтою был именно Лондон.
(Правда, с тех пор, как пустил свои корни я,
Стала мне ближе всего Калифорния!..)

*А неотложка пока еще мчится,
И жизнь за секундой секунда сочится.
Сколько осталось их этих мгновений
С божьего благоволенья?
Сто? Миллион? Или миллиард?
Смерть с жизнью играет всю жизнь в бильярд:
Шар по столу мчится в горячке тифозной,
Но быть ему в лузе – иль рано, иль поздно...
Больничная ждет меня снова кровать:
Ну, что ж, что быть должно, - не миновать...*

...«Неотложка». Просто «неотложка»...

И опять завертелось в памяти бурно.
... Прибалтика... Домский... Безбрежные дюны...
Монреаль, березки – и впрямь, как Россия...
Шахи-Зинда, Регистан, купола синие...
Монумент Линкольна, цветение вишен,
Кафедральный, врезавший в небо крыши...
Золотой Рог, остров Русский...
Оттава, Торонто, Ниагары буйство...
Обрыв над Курой, будто в небе - Метеха...
Приэльбрусье, Чегет, горное эхо...
Солнечно-розовый Ереван,
Гегард, Эребуни, Матенадаран...
Монорельс «Токио-Киото», Сад Камней...
Римские термы, Ватикан, Колизей...
Балхаш, полигона несладкие тяготы...
Ванкувер, горизонт в небоскребах, яхты...
Углич, Суздаль, «Золотое Кольцо»...
Гудзон, «Свободы» слепое лицо...
Мексиканские пирамиды, разверзшие небо...
Крещатик, Владимир, взирающий на Днепр...
«Невский» в Софии, Шипка, Варна...
Нида, Паланга – край янтарный...
Бранденбургские, упирающиеся в Унтер дер Линден...
Гомель – памятный, хотя и невидный...
Варшава... В нее нельзя не влюбиться!
А может, виной тому женские лица?..

*Машина свернула в тупик госпитальный,
Прервав калейдоскоп тех картин моментальных.
Машина застыла. Открывается задняя дверь.
Наверно, в глазах у меня недоверье.
Медбрат говорит мне : «It will be okay!»
Я ж чувствую – боли настал апогей...*

...«Неотложка». Просто «неотложка»...

Пре-реквием

Не раздастся стон
Из сомкнутых губ...
И последний сон
Будет серо-туп...
 Это будет... Будет?!
 Но еще не пора!
 А пока разбудит
 Яркий луч с утра.
А пока в палате,
В проводах, как в змеях...
Врач торчит в халате,
Жизнь на пульсы меря...
 Кровь течет по шприцу...
 Монитор в зигзагах...
 Мне б слегка побриться –
 Да листок бумаги!
Напишу о вечном,
Тайн сорвав покровы:
О себе увечном,
И о вас, здоровых!

Госпитальное

В окошке госпитального окна
Застыло небо, будто серая стена.
Из неба –

 Глаз твоих не выкроить, увы:
Не хватит глубины, голубизны и синевы...
Из неба ж глаз твоих –

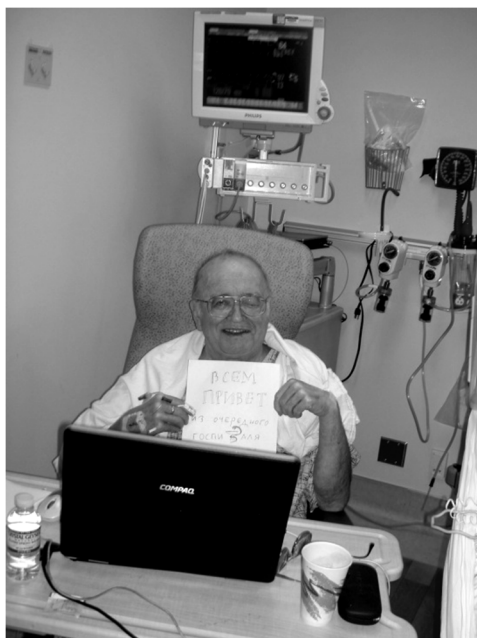
 Я вот построить смог
Пространство, вечность да и собственный свой рок...
В твоих глазах даль разбежавшихся дорог
И жизни не отмерянный покуда срок.
В твоих глазах – вся ты. А мир в тебе...
Так захотелось, видимо, моей судьбе.

.....

Тыходишь...

Мысль является одна:

Спасибо, жизнь, что ты пока не вытекла до дна!..



04-04-04

В этот день, что бывает лишь раз в сотню лет,
 Умудрился я снова попасть в лазарет.
 В первый раз умирал я совсем не шутя,
 Хоть узнал я об этом лишь сутки спустя.
 Ведь когда под наркозом дуреет душа,
 Ты взлетаешь над телом – и нет ни шиша!
 Ты не знаешь, вернешься ты или же нет,
 Не сказавши «прощай» ни дитям, ни жене...
 Повезло!.. И душа возвращается в тело –
 Бог не выдал и даже свинюга не съела.
 Возвращаюсь... Обратно... И в здравом уме...
 Только черный огонь полыхает во тьме.
 Вдруг твои проступают сквозь темень глаза –
 Светлый лик – уж куда там святым образам!
 А потом я опять улетаю во тьму...
 Голоса, голоса... Но о чем – не пойму.
 Понимаю, что борются с чем-то врачи...
 На мгновение день проглянул средь ночи...
 Прогрели конвульсии от затылка до пят,
 Будто я где-то там, вместо Бога распят...
 И сквозь тишь пробиваются явственно даже
 Звуки чудные... Вечное это «Адажио»...
 Но гоню я любимую музыку прочь:
 Вон! Не каркай! И смерть не пророчь!
 Дай немного еще постоять на краю,
 Хоть на миг возвратиться в обитель свою...
 Гасит ночь свой могильный, свой черный огонь.
 И с рассветом кончаются тела агонии.
 Вновь лицо твое вижу, и в глазах твоих свет:
 Как всегда, ты меня выручаешь из бед!
 И в глазах твоих тает недавний испуг...
 Вкруг врачи с их проворным мельканием рук.
 Значит, снова вернулся! Я вновь в этом мире!
 Да счастливые цифры:
 Четыре... четыре... четыре...

Реанимация

Катафалк больничный мчится по коридору,
Резко огибает углы, резво въезжает в лифт.
Наверное, также мчится бык на тореадора –
Рогами вперед и глазища кровью налив.
Почему-то вперед ногами меня везут...
Чудаки, не знают, что это плохая примета.
Но я еще жив.
Я и семьдесят не разменял!
И не намерен покидать этого света.
Вот и последняя дверь: РЕАНИМАЦИЯ.
И опять – это я! Зачастил... Можно бы и пореже.
Доктора будут снова мной заниматься.
Хорошо, если и в этот раз не зарежут!
Впрочем, сегодня обойдется без скальпеля:
Просто кровь носом. Безудержно. Пять часов. Чуть не
истёк.

И вот лежу. Спокойненько. С капельницей.
И в очередной раз подвожу жизни итог.
За занавеской сосед захлебывается, будто тонет.
Видимо совсем плох. Дотянет ли до утра?
А с другой стороны – сосед стонет:
«Help me! Help me!..» И у койки его постоянно
стоит медсестра.

На стене часы. Неумолима секундная стрелка.
Напоминает о жизни. Вернее, о ее конечности.
И несется, несется, как в колесе белка
Куда-то... Куда? На свидание с вечностью?
Свет в глаза. Не уснуть без снотворного.
Приносят. Выпил, засыпаю, – измотался, устал...

.....
Просыпаюсь. Необычайно тихо. Соседская койка пуста.
Поймав мой взгляд, сестра говорит устало:
«Сегодня ночью вашего соседа не стало...»

Размышления в реанимации

Как быстротечна человеческая жизнь!
Еще вчера Тутанхамон
 воздвиг свою гробницу,
Ещё вчера бегу я босиком
 по лужам после майского дождя...
Ещё вчера вонзает свой кинжал
 бесчестный Брут...
Ещё вчера в пыли гоняю мяч
 с ребятами соседнего двора...
Ещё вчера на казнь идёт спокойно
 великий Томас Мор...
Ещё вчера я первый раз касаюсь
 руки девичьей...
Ещё вчера на площади Сенатской
 собрались благородные мужи...
Ещё вчера студенческой пирушки бокалов звон
 в ушах моих звенит...
Ещё вчера безумная толпа
 свою судьбу решает и судьбу вселенной...
Ещё вчера я умиротворён,
 вкушая радости любить и быть любимым...
Ещё вчера!..
А вот уже сегодня...
Как быстротечна человеческая жизнь...

Первый день после реанимации

Бессмертный Вивальди и здесь не покинул,
Где с жизнью нас связывают нити лишь тонкие...
Четыре скрипки, виолончель с клавином –
L'Estro Armonico... L'Estro Armonico...
Анданте, Адажио, Ларго, Аллегро..
И новый Кончерто, и новая тема.
А музыка льётся то плавно, то бегло,
Под звуки её растворяется время.
 Закроешь глаза - и возносишься к Богу...
 А Бог для меня - это Ты, это Ты!
 И мысленно, к дому осилив дорогу,
 Я дверь открываю, бросаю цветы,
 Тебя обнимаю, несу на руках,
 Шепчу тебе что-то, киваешь ты внемая...
 И вот мы с тобою уже в облаках...
Последний аккорд возвращает на землю.
Замолкли и скрипки, и клавиин.
Виденья растаяли, спинули прочь.
На койке больничной лежу я один.
И впереди ещё длинная ночь!..

Тане из госпиталя

Я пред тобой в неоплатном долгу.
И малую толику отплатить не смогу.
Ты всю мою жизнь наполнила светом.
Ты разбудила во мне поэта.
А когда возникали смерти причины,
Ты вытаскивала меня из пучины...

Опять неотложка

Старый пруд...

Я на дне...

Неподвижно...

Надо мною – густая ряска.

Откуда-то издали голоса:

«Срочно! Срочно!»

Вдруг чувствую, тело будто бросилось в пляску...

Лишь душа спокойна, будто дитя непорочное.

Тело корежится от конвульсий,

почему-то стучат зубы...

И мысли странные одолели:

Почему тихо? Где архангелов трубы?

Где тот свет, что в конце туннеля?

Голоса проникают: «... давление... резко упало...»

И все – даже ряска – теперь уплывает...

И рвется мой голос неслышный...

беззвучный...

усталый:

«Я слышу! Я слышу!..

Но так не бывает!..»

И вдруг – спокойствие...

Тихая-тихая тишина...

Может, это и есть та самая жизнь загробная?

Но вот в глазах светлеет. И появляется Она,

Как всегда, доброй и бесподобной.

Чувствую руки ее ласковое тепло...

Сколько ж ты натерпелась из-за меня, родная!

И снова время затикало, зазвенело, потекло!

И вот через темную ряску выплываю со дна я...

Секрет долголетия

Если хотите жить до ста лет –
Переселяйтесь жить в лазарет.
(А кто вовсе не хочет покидать свет,
Одна дорога –ехать родиться в Назарет.)

Я не Христос... (Бог мимо пронес!)
Я не к кресту – к койке прирос.
А с койки больницыной возносятся только вниз...
Думаю себе: с вознесением не торопись!

Утро длинное, как клюв у цапли...
День длинный, как шея у цапли...
Вечер длинен, как ноги у цапли...
А по ночам, чтобы черти не цапали
За пятки, чтоб не видать снов тошнотворных,
Меня, не скупясь, пичкают снотворным.

Особенно длинные цаплины ноги,
Напоминают полседьмого.
(А может, полшестого?)
Впрочем. При чем здесь цапля, ей богу?
Уклонился я снова
От понятного и простого:
Попёр, как у Бродского, подсознания бред,
Но ему-то можно – он Нобелевский поэт,
А я – и уже никогда – нет...

Время завяло, засохло, застыло...
Стрелки стоят, как телега в грязи.
Даже секундная стрелка вроде забыла,
В какую сторону ей надо ползти...

Вот уже скрестили шпаги сегодня и завтра,
Как герои какого-нибудь средневекового автора:
Без трех двенадцать,
Ни не спешат надвигаться.

Вот уже без двух...
Я почему-то затаил дух,
Но не хватило дышалки.
Не дотянул... Жалко!

Протянулся еще кусочек вечности,
Напоминая мне о сердечной увечности:
Непрестанно ноет...
Вот уже без одной...
Секундная стрелка рукой секунданта
Сводит шпаги к верхушке курантов...
Вот будто раздался беззвучный ляг,
И шпаг начался боевой перепляс:
То, что было сегодня – стало вчера.
То, что было завтра – стало сегодня...

Вот так я развлекаюсь по вечерам
День из **о** дня, день из **о** дня...

По коридору шаги проворные –
Это сестра несет очередное снотворное.
Подступает неслышно черной пантеры ночь...
Всевышний начинает время в ступе своей толочь...

А что же завтра?
Анализ крови, пилюли, завтрак...
И снова та же пойдет круговерть...
Вроде не жизнь...
Но все же не смерть!

Перед выпиской

Окаменевшая тьма поглотила полумглу зыбкую.
Приходит медсестра с заученной улыбкой.
Но ей улыбка к лицу – как персонаж кино.
Деловито задернула шторой огромное в стену окно.
Отгородила, хоть и от темного, но бытия...
Дала таблеток, нацедила какого-то питья...
Нацедила крови. 160 на 115. Пульс 82.
Давление высоковатое... Ну, да все трын-трава!
Завтра обещают выпустить, если хороший анализ.
Скорей бы! А то медициной совсем доканал.

Дала две таблетки снотворного. Отлично!
(Хоть я б лично предпочел стопарик «столичной»!)
Лежу на спине – капельница мешает лечь на бок...
Ни в едином глазу... Уж скорее дожидаться сна бы...
А там уж и завтра!

Выходя из реанимации

Друзья мои!
Не думайте о смерти:
Одной не миновать, а двух не будет.
И жизнь свою счастливым мигом мерьте,
А не остатком трапезы на блюде.
Загадки бытия – зачатъе и кончина.
Когда и как и где – никто не даст ответ.
Мне жаль того, кто вечно в страхе беспричинном.
Живи, пока живется – это мой совет.

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Размышления

Устаю...
Устаю!
Жизнь безмерно пуста...
Я себя продаю,
Как Иуда Христа...

Кольцо Царя Соломона

Зацвела весна с рассветом!
Но пройдет, пройдет и это...
В пышных красках буйство лета!
Но пройдет, пройдет и это...
Лист янтарный гонит ветром
Но пройдет, пройдет и это...
Зимний сумрак... Мрак без света...
Но пройдет, пройдет и это...

Выбор

Из всех дорог мы выбираем ту,
Которая уводит в темноту...

По нашим бьют окопам...

Уже по нашим бьют окопам...
То недолет, то перелет.
То вдруг накроет сразу, скопом,
А то на единицы счет.
Теперь уж не до марш-атаки –
Снарядов шквал нейдет на нет...
Да пусть схоронят хоть в общаге –
Увидеть бы еще рассвет!

Новые встречи

Я старых знакомых
Всё чаще встречаю
Не дома,
Не к чаю ...
На мраморных досках
И в бронзовых бюстах...
Увидеться просто!
Увидишься – грустно ...

Время

Время сочится, как меж пальцев вода...
Счет на минуты, не на года.
Все улетает туда, в никуда,
все без остатка, все без следа.
Проносится мимо недель череда...
Лето сменяют зимы холода...
И мелькают года... И мелькают года...
Чаще, чем прежде, приходит беда...
Небо разрезав, упала звезда –
была – и не стало... Ушла навсегда.
Все, что прошло, не вернуть никогда.

Иных уж нет, а те далече...

Иных уж нет, а те далече...
А говорят, что время лечит!
Оно не лечит – убивает!
И круг друзей все убывает...
Да, наше солнце – извините! –
Давным-давно уже не в зените.
Уходят, уходят, уходят друзья
Туда, уж откуда вернуться нельзя.
Уходят, уходят, кто раньше, кто позже,
Кто верит в Христа, а кто ярый безбожник.

И сам не хочу дотянуть я до ста...
Что ждет там? Всего лишь одна пустота.
Нет, я не хочу, не хочу умирать.
Но жизни родным не хочу замарать
Своими болями, охами, ахами,
Улыбок фальшью, пустыми страхами...
К ударам судьбы я все время был стойкий,
Но если судьба прикует меня к койке,
То я бы желал себе вовсе немного:
Чтоб к Богу была покороче дорога.
Но лучше б – как сделал недавно мой друг –
Выронив чашку с бульоном из рук,
Он навзничь упал неожиданно вдруг.
Он не успел ощутить и испуг...
Из губ нераскрытых не вырвался звук...
Ватного тела приглушенный стук...
Жизни замкнулся разомкнутый круг.
И нет больше встреч, ожиданий, разлук.
И нет больше счастья. И нет больше мук.
И тьма беспросветная только вокрут...

Утрата за утратой...

За суетою вечной гонки
Мы потеряли жизни суть.
И вот пронзительный и звонкий
Сигнал: «Ушел... Не обессудь...»

Еще один ушел туда же...
Из праха в прах... И он зарыт...
И Альбиноньево адажио
Звучит, как будто плач навзрыд.

Уж скоро мой черед настанет,
Уйду и я в страну теней.
Глаза друзей в слезах растают,
Часы застынут на стене...

Не плачь! А трезво оцени,
Подумай в этот день прощальный:
Коль вовсе не было б меня,
Кто б смог донести мой смех охальный?

Так не горюй, что век мой кончен:
Он был – и это благодать!
И смейся веселей и звонче:
Что лучше жизнь могла бы дать?

Грустные мысли в Париже

Рассвет наступает, все звезды сожрав.
Париж поголовно горизонтален.
Лишь Эйфеля башня – железный жираф
Взирает сверху на окна спален.

А мне сегодня чего-то не спится:
То ли тревога, то ли грусть...
И как будто стальная спица,
Боль пронзает навывлет грудь.

Хорошо было в юность бездумную,
Когда правило всем «всегда»,
А теперь вот все чаще думаю:
«Никогда»... «Никогда»... «Никогда»...

Может, этот Париж – последний...
Утечет, как меж пальцев вода...
И быть может, рассвет этот летний
Не увижу уже никогда.

* * *

Закончилась пьеса. Занавес. Тень.
Зритель на бис вызывает автора...
Может, сегодня и есть тот день,
Когда завтра уже будет без завтра?..

Подводя итоги

Настало время подбивать итоги...
А впрочем надо ли?
Мне ж не стоять памятником в римской тоге,
Чтоб цветы к пьедесталу непрестанно падали...
Хотя – с памятником ли, без –
Ничего не увидеть ни с выси небес,
Ни, тем более, из царства Аида –
Нет вообще никакого вида.

Да, так какие ж там итоги?
Ну, не сворачивал с прямой дороги,
Не предавал никогда друга –
Но разве это большая заслуга?
Подумаешь – не был я подлецом
Да не ударился в грязь лицом?

К тому ж собою доволен каждый:
И тот, кто в жизни лгал не однажды,
И тот, кто друзей продавал за грош,
И даже тот, кто в спину вонзает нож:
Ведь, что одному правда – другому ложь.

Ну, так что же я подытожил?

А просто прожил я жизнь, как прожил.
А была бы еще одна –
Точно так же испил бы ее до дна.
Совість моя чиста и спокойна...
Ну, а иные итоги на кой нам?

Закат в Ла Хойе

Небо раскинуло померкший свой зонт.
Расчирикались предвечерне птахи.
Солнце падает за горизонт,
Как голова с плахи...
Катится, катится, кроваво-рыже,
И вот уже тонет в дали океанной...
О солнце!
Твой свет разворуют воры же
По капельке – сонмище звезд окаянных!..
А звезды, и правда, все ярче и ярче.
К закату и жизнь моя также вот клонится...
Нет рыбки с «Чего тебе надобно, старче?»,
А то попросил бы: «Верни-ка мне солнце!»

Страшна не смерть, а умирание...

Не смерть страшна, а умирание,
Когда известно все заранее...
Когда не в радость утро раннее,
Когда весь день – одно страдание,
Заката страшно догорание,
А ночь – и вовсе наказание...
Друзей ты чувствуешь старание
Скрыть за улыбкой сострадание
И слез украдкой утирание...
Страшна не смерть, а умирание...

Писано в день дурного самочувствия

Я скоро уйду далеко-далеко,
где всё безмятежно, светло и легко...
Неведомы будут ни грусть, ни печаль.
А жаль!..

А я так люблю этот яркий хаос
успехов,

невзгод,

поцелуев

и слёз!

Но скоро уж стинут

и смех,

и печаль...

А жаль!..

Кончатся фарсы,

комедии,

драмы...

И жизнь,

что так начали бодро с утра мы...

Придавит

гранитом

могильным

скрижаль...

А жаль!..

А впрочем и жаль уже будет не мне,

а тем, кто горит ещё в этом огне,

кто скажет мне вслед,

не скрывая печаль:

« А жаль!..»

На смерть друга

о нашим бьют окопам.
То недолет, то перелет.

То убивают как-то скопом,
А то на единицы счет.

Теряем лучших мы и близких,
И рвется снова жизни нить...
И жили мы без переписки,
И забывали позвонить

За суетою вечной гонки
Мы потеряли жизни суть
И вот пронзительный и звонкий
Сигнал: «Ушел... Не обессудь».

Еще один ушел туда же...
Из праха в прах... И он зарыт...
И Альбиноньево адажно
Звучит, как будто плач навзрыд.

И скоро мой черед настанет,
Уйду и я в страну теней.
Глаза друзей в слезах растают,
Часы застынут на стене...

С кем шутки плохи

Как девчонку курносую,
Дергал смерть за косу я.
В ответ не раз и не два
Она меня не звезданула едва.

Смерть

Я умру в четверг. Полчетвертого. Утром.
Не знаю, будет осень или весна.
Но я проснусь и почувствую, будто
Я очнулся от вечного сна.
Я очнусь, чтобы снова уснуть на веки,
Хотя нового дня уж забрезжит рассвет.
И тяжелым грузом ляжет на веки
Радость и счастье прожитых лет...
Я захочу на прощанье тебе сказать.
Как я был счастлив, живя с тобой,
Но нем мой язык, неподвижны глаза,
И я не могу даже двинуть рукой...
 И этот миг, миг пробужденья...
Белесое утро – начало дня...
Не проживу этот новый уж день я,
Но миг, этот миг – он, как жизнь для меня!
Стихает под лопаткой боль понемногу –
Вот и обрывается жизни стезя...
Самое время подумать о Боге:
И я думаю о Тебе, о Детях и о Друзьях.
 Миг этот длится почти бесконечно.
 Может, оттого, что время остановилось?
 Вся жизнь
 мелькнула калейдоскопом расцвеченным...
 Но вот затихают сознание, воля, сила...
Прощайте, прощайте, прощайте...
Простите...

Я на речку бегу

Я на речку бегу по утру.
Радость телячья, воздух – взахлёб!..
 А старое дерево скрипит на ветру
 И веткой об ветку шлёп да шлёп...
Я умылся холодной водой ключевой
И обратно бегу полный сил и бодрый.
А старое дерево трясет головой,
 Как старик перед смертным одром...
.....
Вот иду я усталый, с седой головой
И вспоминаю то давнее лето...
 А деревца молодые шепчут листвою:
 «И это пройдет.... Пройдет и это...»

Стихи уже вовсе не пишутся

Стихи уже вовсе не пишутся.
И что-то все хуже дышится...
И сердце стучит с перебоями.
(Без всякой связи с перебоями!)
И давит все время усталость.
Ну, сколько еще осталось?
 Скоро уж, скоро туда,
 Откуда никто, никогда...
 Из праха... И станем мы прахом!
 Только нет прежнего страха.
Я пожил уже довольно.
Не хочется только больно
Сделать самым родным,
Развевшись в сизый дым...

Неужто будет, что не будет?..

Как трудно верить, что вдруг когда-то
Не будет года, не будет даты,
Не будет звука, не будет света,
Зимы не будет, и не будет лета...
Не будет водки, не будет хлеба,
Не будет солнца, не будет неба,
Не будет радости... И даже боле –
Не будет боли...

И не проснуться – хоть как с похмелья! –
С дурной башкою, с ломотой в теле,
С трудом, как клещи, раскрывши веки...
С одним желаньем – уснуть навеки!
Но нет, не дрогнут во сне ресницы,
И даже сны там не будут сниться!
И это будет – увы! – уж скоро...
Так помяните же без укора!
Кого обидел – простите, люди!
А кто обидел меня – забудем!

Жизнь – упавшая с неба звезда

Дни текут, как меж пальцев вода...
И проносится мимо недель череда...
И мелькают года, и мелькают года...
Что ушло – уж того не вернуть никогда.
Мы пришли ниоткуда и уйдем в никуда.
Лета солнце сменили зимы холода,
Чаще в двери нежданна стучится беда...
Налетает болезней суровых орда...
Говорю сам себе – это все ерунда:
Жизнь – упавшая с неба звезда.
Пусть сгорит, не оставив на небе следа,
Но оставивши в памяти след навсегда!

Пройдет и это!..

Зацвела весна рассветом!
Но пройдет, пройдет и это...
В пышных красках буйство лета!
Но пройдет, пройдет и это...
Лист янтарный гонит ветром
Но пройдет, пройдет и это...
Зимний сумрак... Мрак без света...
Но пройдет, пройдет и это...

Когда умру, меня не хороните...

Когда умру, меня не хороните –
Я не любил печальных панихид.
Цветы увядшие на розовом граните –
Не для меня, поверьте, этот вид.
 Когда умру, меня не хороните:
 Я не любил надгробные слова.
 Слезу скупую лучше пророните,
 Меня припомнив года через два.
Когда умру, меня хороните –
Я не любил нелепейший обряд:
Коробку с прахом тихо уроните
В Неву, где Сфинксы вечные лежат.
 Когда умру, меня не хороните...
 Я похорон при жизни не любил.
 И память добрую подольше сохраните,
 Каким я был, когда я жил.

Когда умру – меня не хороните...

(Версия 2)

Когда умру - меня не хороните:
Я не любитель пышных похорон.
И этих цифр нелепых на граните,
И ничего не значащих имён.

Когда умру, меня не хороните
Надгробных не любитель я камней.
Вы лучше память добрую храните
И чувства добрые - коль заслужил! - ко мне.

Когда умру, меня не хороните –
Я не люблю оркестров духовых.
Да и цветы - их тоже сохраните –
Они нужнее, право, для живых.

Когда умру, меня не хороните,
Чтоб мне никто не застил синеву...
А урну с прахом тихо уроните
Меж Сфинксами в холодную Неву.

Течёт Нева, закована в граните...
Текла и будет течь через года.
И в памяти своей вы сохраните
Меня живым, как эта вот вода...
Когда умру - меня не хороните...¹



¹ Первый вариант был утерян. Написал новый, а потом нашелся первый!
Какой лучше (или хуже), не знаю...

Встреча у врат рая

Когда услышу последнее слово Господнее –
Голос его прозвучит трубно и веще –
Я встану с постели, почешу исподнее
И пойду потихоньку собирать вещи...

Да и вещей у меня – малая толика,
Соберу их, на дорожку попыю да поем...
Впрочем, какие вещи? Возьму с собой только
Томик своих стихов и поэм.

Да еще, пожалуй, бутылку водяры –
Кто знает, дают ли в раю питье?
Ведь Христос, говорят, был противник ярый
Питья, чем спортил апостолам всё житьё...

Встречает Петр – привратник у рая
И, зыркнув глазом, изрекает нахально:
«Что ж ты, братец, и умирая,
Остался таким же как был охальным?»

А я ему: «Да ты чё, Петя:
Разве так встречают гостя да еще с бутылкой?
А я думал, что вы здесь, на **том** свете
Живете, если и не с улыбкой, то хоть с ухмылкой...»

Петр не ломался, крикнул по-стариковски,
Достал откуда-то пива и три стака**а**
Да на закусь воблочки будто крылья стрекозки –
Тонкие, хрупкие... «Эх, попутал меня Сатана!»

Вот пол-литра уж на троих н**о**лито...
Ба! Да дело может расстроиться:
«Мы ж пить, а не играть в крестики-нолики!
Петя, для ентото дела нужна троица!»

«Ну, давай позовем третьим Бога...»
«Которого, Петр, Отца или Сына?»
«Да впрочем нам и с тобой не много:
А звать двоих – на них уйдет половина...»

Неверующий, но со святыми не спорю.
Разлили третий стакан меж собою:
На радость пить хорошо – чай, не с горя!
И не с похмелки опосля перепою...

Петр расслабился, руку мне поклаал на плечо
И вдруг всхлипнул, утерев глазья...
Я ему: «Петь, да ты чё?
Согрешил? Так то ж для разнообразья!»

И Петр тут запричитал, засетовал:
«Милай!.. Куды ты? Беги отседова!
Видишь,? Эва – ворота соседовы...
Я с ихним сторожем вчера беседовал...

Хороший парень, хушь и с рогами.
Доверчиво все мне открыл:
Говорит, не кормят у них пирогами,
Но начальник их – добр и шестикрыл.

Они не ходят строем и не поют гимны
И показательно не ликуют...»
«Мил человек, не могу, помоги мне –
Вишь, уронил, блин, свою кляоку я...»

Поднял я для Петра палку –
Мне завсегда стариков жалко...

«Вот спасибочки, добрый ты, значит...»
«Да Петь, мне это, что два пальца!
Спасибо не на чем – как же иначе?»
А он на меня так умильно пялится...

«Полюбился ты мне... Напоил по-царски...
Не верь про котлы да про варево –
Все это для праведных детские сказки...
А ты от нас поскорее проваливай!

Умрешь с тоски от порядка и благолепия...
Впрочем в раю умирать не дают...
Устал! Ох, устал... Уж лучше б ослеп я:
Глаза мои не смотрят на этот уют...»

Вот и допили мы ту пол-литровочку,
Обглодав даже тощий скелетик воблин.
Пивцом залили для «полировочки».
И сказал мне Петр: «Во, блин!

Спасибо, друг, «оттянулись» мы славненько!
А то всё святые – за мордоворотом мордоворот!
Не с кем было преломить и сырок плавленый
И чарочку выпить у ентих ворот...

Всем им самое место здесь, в скукотище...
А ты иди, поживи, как люди, там, в аду
Там людей интересных тыщи...
Ну, а я опять на службу пойду».

Пожали мы с Петром руки друг другу.
Я направился смело к другим вратам...
Песнопенья всё тише, но всё громче ругань
И смех – так, видать, веселятся там...

Писано в редкий час дурного настроения

Нудный дождь моросит,
Ветер мерзкий почти морозит

Я один на всем берегу –
Будто берег я берегу.
Иль это он меня стережёт?
И от волн морских бережёт?

Здесь волна лишь одна жива:
Звонко-серые кружева.
Кружит в беспеном танце прибой,
Весь от пены и брызг рябой...

Тишина. Тишина... Всюду грусть...

Под ногами песка лишь хруст.

И от звонкого этого хруста ли

Хрусталя вспоминается звон...

И стучит мне в висок без усталости:

Память прошлого – грустный стон...

Вспоминаются годы юные,

Вспоминается время былое.

Будто там вон, за этими дюнами

Мы с тобою у аналая:

Как воочию вижу – ты

Под волшебным туманом фаты...

Только это мираж – не явь,

И за дюнами вовсе не я

И за дюнами вовсе не ты –

Это грёзы, фантом, мечты...

А не ты мне была ли

Как яблонев цвет?

Лишь в тебе мне пылали

И радость, и свет.

А теперь ты одна... Я ушел в никуда.

Жизнь ушла, утекла, как меж пальцев вода...

Волн волнение –

волнение рождает в душе.

Волны льнут,

как кутята слепые к ногам

Может рано, от раны душевной ушел,

я от друга ушел, и ушел от врага?

И один я, один я на всем белом свете...

Нет, не белом... Он черный, и вовсе не светит.

Я один в этой черной-пречерной Вселенной,

Где все смертно, и смерть лишь одна нетленна...

А дорога – всё вдаль без конца, без конца...

И оттуда никто не дожидается гонца...

Правит миром тем только всемогущая смерть.

Путь шагами в том мир никому не измерить,

И годами не смерит никто этот путь...
Есть ли там что-нибудь где-нибудь?..

Неба хлябь...
Наползает на моря рябь.
Небыль мрака сжирает последнюю явь.

Море серо и
Туч свинец...
Милосердию
тут конец...

Не трать себя напрасно

Мы живем в заботах мелких
И с безумством глупой белки
Мчим куда-то, как и все
В бесконечном колесе...

День за днем – сгорают свечи.
Скоро тьму прогнать уж нечем...

Стой, не трать себя напрасно!
Море, небо – так прекрасны!

Погрузись в природы диво,
Подыши неторопливо.

Слушай страстно тишину ты
Взором в точке задержись...
Ведь такие вот минуты
Ценной делают всю жизнь...

Время сочится, как меж пальцев вода...

Время сочится, как меж пальцев вода...
Счет на минуты, не на года.
Все улетает туда,
в никуда,
все без остатка, все без следа..
Все, что прошло, не вернуть никогда.
Лето сменяют зимы холода,
Чаще, чем прежде, приходит беда...
Жизнь пронеслась, как по небу звезда...

Размышлизм

Марево и море манят.
Тают корабли в тумане.
Волн ленивое волнение.
Полублики, полутени.
И прибоя слышен шелест
Еле-еле...
Мир весь призрачно янтарен.
Сложен и элементарен.

ВРЕМЯ ДЛЯ УЛЫБКИ

Я – памятник себе!

Я проснулся – как толкнули:
В голове стихи звенят.
Я к столу метнулся пулей –
Озарило вдруг меня!

Стих поётся гениальный,
За строкой летит строка.
На Парнасе, а не в спальнной
Я витаю в облаках. . .

Я ищю бумагу с ручкой. . .
Ничего нет под рукой!
Наизусть! (Хоть путь не лучший,
Нет возможности другой.)
Я твержу строку за строчкой.
По душе течёт бальзам:
Гениальным стал за ночь я!
Ах, слеза мутит глаза. . .

Можно стих забыть убогий,
Тот, что писан для забвенья.
Ну, а «Парус одинокий»?
Или «Чудное мгновенье»? !

И моё стихотворенье
Позабить никак нельзя!
Повторяю в исступленьи,
В умиленьи прослезясь.

Славой будущей оваян,
Лезу я опять в кровать,
И под чарами Морфея
Начинаю засыпать. . .

Просыпаюсь утром рано,
От волнения затих,
Пульс колотит барабаном:
Помню - был великий стих,

Помню, было озаренье,
Но не «Парус одинокий»,
И не «Чудное мгновенье»,
А какой-то стих глубокий.

В нём была пружина века,
Вся эссенция эмоций,
Вся премудрость человека! . .
Жду – вот-вот тот стих польётся.

Тщусь хотя бы вспомнить слово,
Исхожу от нетерпенья. . .
Только лезет снова, снова:
«... помню чудное мгновенье...»

Как кузнечик одноногий,
Мчусь по кругу, опалев. . .
Помню «... парус одинокий...»
Но не помню свой шедевр!

С той поры мне нет покоя,
Просыпаюсь раз по пять.
Карандаш лежит у койки
И амбарная тетрадь...

Докажу я всем, что гений!
Пробудясь в ночи глубокой,
Жду я чудное мгновенье,
Словно парус одинокий. . .

Гарику Книжнику

Жупердия-жупердас,
Нам любая девка даст!
Даст, даст! Как не дать!

*Куплетик из «Приключений
Бравого Солдата Швейка»*

Автобус – битком ...
Жарко и липко!
Вдруг – как кипятком:
Платье воблипку,
Держится гордо...
Груди упруги,
Крутые бёдра
Изящные руки...
На ногу ногу,
А ноги – что лани!
Скрыто не много
За ширмою ткани...
Магия плоти!
Спелые формы!
И сердце колотит
Предвестником шторма...

И вдруг, глазища подняв,
говорит мне девушка:
«Ой, извините!
Садитесь, пожалуйста,
дедушка!»

Кругооборот козлов в природе

С возрастом козлам приходят
мысли о бренности бытия...

А. Шопэнгауер

(перевод П. С. Козловского)

Маленький козлик скачет по травке.
Старый козел почивает в канавке.
Над ним, растопырив от злости глаза,
Стоит, негодуя, коза-дереза.
Очень уж зла
На мужа-козла:
В доме все пусто,
Ни листочка капусты,
Хлеба ни крошки!

А у козлят уже режутся рожки...

А юный козлик

Прыгает возле,

Собирает розочки

Для молоденькой козочки.

А козочка аж млеет

И все бле-е-ет,

бле-е-ет,

бле-е-ет...

Ну, не коза,

А коза-егоза!

...

Старый козлище
Давно на кладбище.
С ним и коза,
Что была дереза.
Бурно пожили -
Мирно почили...
Мир да совет -
Тот еще свет!

Бывший юнец пообрюзг, поустал.
Любит подрыхнуть в тенистых кустах.

А где же коза,
Что была егоза?
Оттянуто вымя
Детями малыми.
Усталость в глазах
Да колтун в волосах...

Маленький козлик стал уж большой.
Козочек любит козлиной душой.
Ясно, что с такими рогами
Козлику тесно в плену моногамии!
И новый козленок скачет по травам!
Им, молодым, не жалеть о потравам.
Рад он цветочку, листочку и травке...
Но ждет его место в знакомой канавке.

Песня про органы

Плесни, браток, ещё чуток водяры.
Хочу преодолеть я нервный шок.
Ты видишь, я совсем ишшо не старый,
А вот-те на! Не в шутку занемог. . .
Я, друг, тебе признаюсь по секрету:
Люблю жену свою единственную Кланю!
Таперча только вот желанья нету,
Я спать иду с ней вроде на закланье.
Ложусь, зыркала впялив в потолок. . .
Она прижмётся, этака мягка. . .
А мне промеж её горячих ног
Мерещатся лишь органы ЧеКа. . .
Да стой ты! Ну, погодь хотя б момент!
Всё расскажу. Добавь-ка малость другу!
Мне врач сказал, я просто непотент,
Поскольку органом каким-то был напуган.

К прошедшей годовщине Октября
 Решил купить на ужин я колбаски.
 Но пусто всё! И тут я, матеря,
 По партии прошёлся без опаски.
 Ведь мы же пролетарии всех стран!
 Нас Карла учит – нужно есть для силы!
 А енто что же, говорю, обман?!

Но тут меня как будто подкосило. . .
 Мне руку кто-то ложит на плечо,
 Мол, я народ лишаю светлой веры.
 Потом: «Пройдёмтя!» Я ему «Ты чо?!»
 А у него гляделки - левольверы. . .
 Признаюсь, тут струхнул я не на шутку –
 Он, грит, что он из Органов ЧеКа!
 Представь себе, приятель, на минутку:
 Сошлют куда! . . Расея ж велика!

В кутузке всё пытали, с кем я дружен,
 Какие обчества законтрили меня,
 И чей я член. . . Кому я на хер нужен?
 Я Кланьке никогда не изменял!

Видать, не всё я отвечал толково.
 Ох, и намяли мне они бока!
 Скажу тебе, сапог у них подкован,
 У ентих, что из Органов ЧеКа!

Потом подписка о неразглашеньи,
 Что был внутри я Органов ЧеКа.
 «Смотри, - грят, - если только пикнешь, шельма,
 - У нашей власти сила велика!

Мы и не таким обламывали роги!
 Небось, слышал про Орган Полевой? !
 За речи этикие посередь дороги
 Расстреливал особый наш конвой! »

Таперча весь я нервно издёрган. . .
 И, вишь, трясу немного головой.
 Меня ужо любой пугает орган,
 Хошь полевой, а хошь и половой.

А Кланька всё дундит: «Не заболел-де?
 Ты ж раньше был охочий, как кобель!
 Или какую девку приглядел где ?!»

«Ну, вот те крест, - грю, - девка-то откель?. ..»
Она меня измолотила по щекам,
Допытываясь, с кем и где я сплю.
Но я ж поклялся Органам ЧеКа,
Что никому про Орган не стреплю!
Ну, как мне объяснить любимой Клаше,
Что в органах любых боюсь я побывать!
И хуть она мне всех милей и краше,
Теперь кутузкой мне мерещится кровать!
 Не дёрнуть ли ишпо по стакану?
 Да не-е! Ты што! Я в жизни не блюю! . .
 Люблю тебя я, Кланю, всю страну. . .
 И партию, родимую, люблю. . .

Ода на Женский День

Уважаемые дамы и господа!
В основном – уважаемые дамы!
Собрались мы сегодня сюда
Праздник женский отметить дабы.

Старым источникам вторя, я
Напомню вам кратко историю.

В дыму революций угара
Некая Целкина Клара,
С подружкой Лихтенштейн –
Вы, надеюсь, меня ферштейн?-
В позапрошлом пытались веке
Уравнять с мужиками баб,
Все мы, мол, человеки,
И род наш бабий – не слаб!

Клара и Роза – стойкие,
Своего добились плутовки:
Вот уже бабы на стройке
И в цехе горячей ковки...

Можно натянуть брюки,
Можно курить и пить,
Все это пустые трюки:
Женщину не истребить!

И это, скажу, слава богу,
На кой нам бесполой Содом?
Вместо чтоб недотроги
Везде б была баба с веслом?!

Впрочем трудно придаться –
Равенство не только в пьянстве:
Рядом с толпой пидарастов
Бурно цветет лесбианство.

Вот же какая умора –
Не мир, а просто дурдом:
Цветет-расцветает Гоморра²,
Затмив вековечный Содом.

Если пойдет так и дале,
То лиха нам не миновать:
Отбросит наш мир сандали –
Не надо и воевать!

Так что в стихах и прозе
Под страхом всеобщей кары
Шлю я проклятия Розе
И – как ее? – Целкиной Кларе.

Женщину – чудо природы.
Равноправие женщин – крах!

Слагай им песни и оды,
Носи их всю жизнь на руках,

Люби их глаза и губы,
От их улыбок балдей,
Люби – извини, коли грубо –
Ложбинку меж ихних грудей...

² При внимательном чтении «Библии» можно понять, что Гоморра была заселена одними женщинами. Выводы делайте сами.

Да здравствует женская слабость –
Главная женская сила!
Другою она была бы –
Жизнь показалась б немилрой.

Последних наскребши денег:
Любимой купи букет.
И пусть в этот праздник весенний
В глазах ее вспыхнет свет.

Любите! Любите! Любите!
Любите любимых своих,
Единственную обитель
В наших тревогах земных.

Со мною мужчина любой,
Надеюсь, поднимет бокалы!
Эй, чей это цвет голубой?..
Нет, только женственно-алый!

Подражание «Длинному Парню»

Седовласый академик. . .

Я к нему пришёл с вопросом:
Что такое счастье в жизни?

На меня взглянул он косо. . .

Седовласый академик

Долго разводил руками

И губами долго шамкал,

Будто спорил с дураками.

(В фильме старом и беззвучном

Так общаются герои.)

Но потом вдруг звук раздался:

« От тебя, мой друг, не скрою:

Счастье - в радости познания,

В погружении в работы. . .

Я всю жизнь вот так вот думал.

Мне б теперь твои заботы! . . »

Пышногрудая девица. . .

Я и к ней пришёл с вопросом:

Что такое счастье в жизни?

За спину забросив косу,

Пышногрудая девица,

На ногу закинув ногу,

Обнаживши всё, что можно,

Стала думать понемногу.

От волнительного вздоха

Грудь её встаёт горою.

Слышу я её контральто:

« От тебя, мой друг, не скрою:

Счастье - в радости познания,

(Только лучше без аборта!) ...

Я всю жизнь вот так вот считала.

Мне б теперь твои заботы! . . »

Неприметный работяга. . .

Я к нему пришёл с вопросом:

Что такое счастье в жизни?

Почесавши кончик носа,

Неприметный работяга

Что-то начал про зарплату,

Но потом рукой нащупал

На коленях две заплаты,

Взяв стакан и бутербродец

С кабачкового икрою

И как будто тост он начал:

« От тебя, мой друг, не скрою:

Счастье в этом вот стакане. . .

Наишачишься до пота...» –

Он махнул рукой – и выпил, –

Мне б теперь твои заботы! . . »

Рубаёньши

Прощай вино! Я пил не с горя,
И не с судьбой суровой споря.
Теперь бросаю берег этот –
Меня любви уносит море!

* * *

Пусть неудачником люди зовут!
Пусть издевается жулик и плуг.
Честному главное в жизни богатство
Это спастись от бесчестия пут.

* * *

Любя, учти: любовь одна
Имеет признаки вина –
Вин намешаешь даже лучших
Во рту почувешь вкус говна.

* * *

Вечно солнце в небе сменяет луну.. .
Мы у жизни недолго бываем в плену.
Друг за другом уходим из этого мира
В царство теней, в Аида страну. . .

* * *

Мы до старости ловим жар-птицу за хвост –
И мудрец, и трудяга, и просто прохвост.
Как поверишь, что нет этой птицы на свете –
Это значит, пора уж тебе на погост!

Хайямизм

Она слезою истекала,
Она была так холодна...
Моя рука ее ласкала...
А плоть – от страсти голодна.
Ее искали жадно губы...
И вот нашлись ее уста!
К себе прижал ее я грубо.
И вот – бутылъ уже пуста...

Пустячок

Стоптаные валенки
Сидели на завалинке.
В валенках ноги,
Как звери в берлоге.
А хозяин тех ног –
Старичок-с-ноготок...



*Святослав Ушаков.
«В ногах правды нет».*

Комментарий: Когда мой сын закончил ВГИК («по классу анимации»), то пришло время искать работу. У меня был один знакомый журналист со связями в «Известиях». Мы встретились втроем

под памятником Пушкина, который стоит как раз спиной к зданию «Известий». Я скламбурил, что в ногах правды нет, одни известия. Мой приятель сказал, что можно попытаться с «Известиями», предложив Славе прийти в редакцию с карикатурой: «Нужно только хорошенько подумать над темой». Слава ответил: «А тема же уже есть!» В результате появилась эта карикатура.

Заму главного редактора карикатура очень понравилась. Смеялся до слез. Карикатуру оставил. Славе обещал позвонить... Как известно, Россия живет обещаниями!

Из жизни рептилий

(не по Бремю)

Введение

Мы б с вами небо не коптили,
Когда бы не было рептилий.
В их томных взглядах, холодной крови
Исток коварства и любви.
 По Дарвину, с мечтой о завтра,
 Они предтечи sapiens-завра.
И правда, кто же породил
Мерзавца, коль не крокодил?
А тот ленивец и неряха?
Его предтеча – черепаха!
А эта вечно злая злюка?
Ведь ейный пращур был гадюка!
 При том спрошу я напоследок:
 А не лягушка ли наш предок?

Черепахи

Возьмем хотя бы черепах.
Что в их безмозглых черепах?
 Поесть, попить, поспать, покакать?
 А как насчет чуть-чуть поплакать?
Или ж обратно – посмеяться
Над тем, что у соседки яйца
Все в кладке съел злодей-варан?
А нет бы дать отпор вора!
 Иль по закону б запретили
 Рептильям пожирать рептилий.
Им б надо брать пример с людей,
У коих полон мозг идей,
Тех, что из лучших побуждений
Живут во мраке заблуждений.

Рассмотрим черепаший секс:
Влезает на ром-бабу кекс?
И вот стучит об камень камень...
Украсим жизнь свою деньками,
Когда живем мы не деньгами,
А в сладной неге моногамий!
 А сколько страсти в этих рифмах,
 Что бьют как волны в жизни рифы:
Вот перед вами черепаха:
И без упрёка и без страха.
А правда, в ихних черепах
Откель возникнуть может страх?
Пошто обычной черепахе
Вдруг призадуматься о страхе?
Представьте, право, черепаху,
Что вдруг обкакалась от страху?
Нет, хошь кричи, а хочешь ахай –
Хотел бы стать я черепахой!
Увы, я только человек,
Влачащий свой короткий век
В заботах, бедах, злоключеньях,
В тревогах, в страхах и мученьях...
О, если б был я черепах!
Я всё тогда послал бы на х...

Крокодил

Ишь, зеленое говно –
Притворяется бревном!
 Прискакали две газели,
 Да бревно-то проглазели:
Крокодил зубами шелк,
Прокусив газелий шелк...
 Он жует ее и плачет,
 Горько плачет и жует:
Любит он газель, иначе
Никогда не взял бы в рот.

Любит он и зебр, и ланей...

Горько плачет пред закланьем:

Крокодил – душевный малый,

Сострадалец небывалый:

Он всегда жует и плачет –

Состраданье много значит!

Змея

Опа-опа!

Голова да жопа.

Угадай скорей?

Ну, конечно, это змей!

Он на негра – ух! - похож:

И длинен, и чернокож.

Только вот насчет яиц

Он скорей похож на птиц:

У змеюги-подлеца

Нет ни одного яйца!

Он, как кастрат, сентиментален,

И всегда горизонтален.

Не берусь судить к тому ж,

Кто он – змей иль просто уж?

Лягушки

Вот такая вот петрушка:

Если мадмуазель – лягушка,

То не будет мнений двух –

Мсье, конечно же, - лягух.

На кого похож лягух?

Здесь опять нет мнений двух:

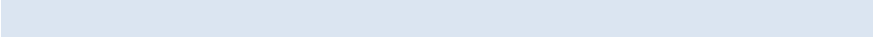
Это слесарь дядя Вася,

Что не просыхая квасит –

(Он в питье, как змей силен,

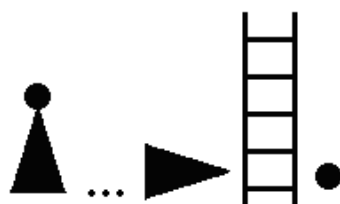
Потому и стал зелён.)

Не родня нам обезьяна,
Потому не без изъяна:
Разница у нас проста –
Мы с лягухой без хвоста!
Научить ругаться б матом –
Сразу б стал лягух приматом!



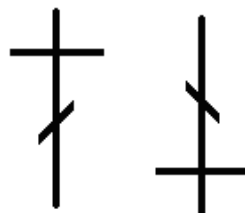
ОБЛОЖКИ ДЛЯ КНИГ

Л. Толстой



Анна Каренина

Д. Мережковский



Христос и Антихрист

А. Дюма



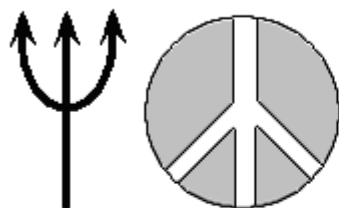
Три мушкетера

А. Дюма



20 лет спустя

Л. Толстой



ВОЙНА И МИР

А. Чехов



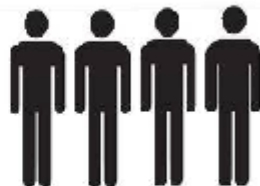
ТРИ СЕСТРЫ

Н. Карамзин



ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

Ф. Достоевский



БРАТЯ
КАРАМАЗОВЫ

ПОСВЯЩЕНИЯ

Тане

С днем рождения,
Мое наваждение!
С днем рождения,
Мое наслаждение!
Ты - мечтаний моих порождение,
Ты - и нежность, и вождение,
Ты - любви моей пробуждение...
С днем рождения!
С днем рождения!

Тане

У кого Будда,
У кого Христос,
У кого Магомет,
А у меня, кроме тебя, Бога нет.

Славке в больницу

Опять больница, чертова больница!
Многоэтажная. Окно в окно.
За стёклами – расплющенные лица...
А я ищу одно, ищу одно...
Обшарил взглядом здание раз пять я.
Ещё, ещё... И вот твои глаза!
Ладонь к стеклу пригвождена распятем,
А лик твой – хоть сейчас на образа...

Дочке

Маленькая.
И почему-то как цыплёнок.
Бархатистая бахрома сомкнутых век.
И трудно представить,
Как из этих пеленок
Скоро встанет совсем большой человек.
Юбочки,
 косички,
 голые коленки,
Бантики,
 скакалки –
 детства карусель.
Первые тетрадки,
 первые оценки,
Первые обиды
 на своих друзей...
А в восемнадцать –
Любовью наливаются сердца и лица.
Поцелуев бутоны в лепестках губ.
И эти бутоны могут распусться
Даже в тени водосточных труб.
И будем мы уже волноваться:
- Который час?
- Что так долго не идёт она?..
А она в это время
Где-нибудь в подъезде
Будет целоваться
С каким-нибудь
 обалдевшим
 от счастья
 идиотом.

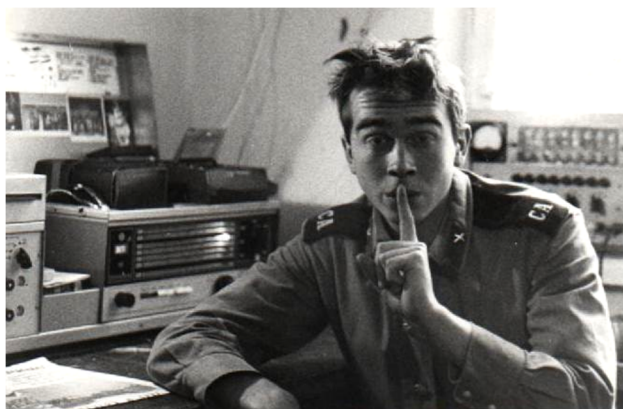
Славке в армию

Шестое декабря... По Гомелю
В шинельке кое-как приталенной,
Идешь с солдатскими погонами,
Меся ботинками проталины.

Уж год, считая время по дню...
Сочтешь полтыщи скоро запросто:
Скорее бы шестое августа –
Преображение Господне!

И впрямь грядет преобразование:
Считать останется лишь до ста!
А там – рисуй воображение
Свободы, солнца, неба – вдосталь!

Ну, а пока идешь по Гомелю.
Глаза задумчиво-усталые.
Стихи бормочутся знакомые:
«Шестого августа по-старому...»



Кристине

Летела стая журавлей
Туда, куда ей надо.
Внизу на зелени полей
Паслось жирафье стадо.

И вдруг откуда ни возьмись
Является Кристина –
И не понять, где верх, где низ?
Запутана картина:

Порхает по небу жираф
И крылышками машет,
А по земле идет журавль,
Копытами украшен...

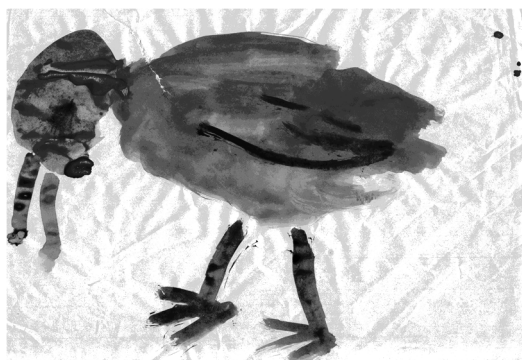
Картинку всю дорисовав,
Скажи теперь скорей:
Как звать

ЖИРАВЛЬ

или

ЖУРАФ

Диковинных зверей?



Маме

Здравствуй, Мама!
Я вернулся из детства,
Из далекого, милого детства.
Я не мог на тебя наглядеться,
Нет, никак не мог наглядеться!



Мне приснились далекие годы,
Когда не было непогоды,
Когда солнце светило и ночью,
Когда счастье – всегда и воочию...
Когда счастье было вокруг
От тепла твоих ласковых рук...

Как хочу я твои взять руки
(Как тогда говорил, «люки-в-люки»)
После стольких лет долгой разлуки,
Чтобы рук твоих добрых тепло
Снова в сердце мое текло...

Как хотел бы теперь я быть рядом,
Чтоб с твоим повстречаться взглядом
И увидеть глаза-незабудки,
Голубые, небесные будто...

Понимаем мы поздно очень,
Очень поздно мы понимаем,
Лишь когда наступает осень,
Понимаем, что было в мае!
Пред тобой я в долгу неоплатном,
В неоплатном, большом долгу...
Жаль тех лет я вернуть обратно
Никогда уже не смогу!

Я наверно, не стал нежнее –
Просто ты мне стала нужнее.
Я мальчишкой был очень упрямым,
Я стеснялся сказать тебе прямо:
Как люблю я тебя, моя Мама,
Моя лучшая в мире Мама!

Почти по мотивам стихотворения Дилана Томсона
«Do not go gentle into that good night»

*Посвящается моей любимой soul mate,
вот уже почти 60 лет верному другу –
Зое Ильвовской.*

Не позволяй себе уйти смиренно в ночи тьму
Не дай погаснуть раньше срока свету своему!

Старо как мир: Пришли мы ниоткуда,
А срок настанет – сгинем в никуда
Так радуйся, не сгинул ты покуда,
Цени минуту, как ценил года!

Искали смысла этой жизни все:
Молодка в девственной своей красе,
Согбенный старостью задумчивый мудрец,
Напыщенный от важности глупец,
Душ человеческих неистовый ловец,
Над золотом чахнувший от жадности скупец,
Беспечный, вечно ветренный юнец,
Преодолевший смерти страх храбрец,
Треклятый многими отъявленный подлец,
Трудами праведными изнуренный жнец,
И «пробу-негде-ставить» наглый лжец,
И наковальню проклинаящий кузнец
И даже на дуде игрец!..

А смысла жизни все же нет как нет...
День промелькнет, наступит ночь, померкнет свет!

Конечно же, есть повод впасть в унынье:
Когда-то было все не так, как стало ныне.

И немощь мучает и голова не та.
(Но все же радуйся – на плахе не снята!)

Но что прошло, того уж не вернуть
Вперед – и только! Так начертан путь.

На потемневшем небе звездочки воспоминаний –
Находки радостей нечаянных и горечи утрат...
И время то, поверь, не для стенаний,
А для благословения утра!

Не позволяй себе уйти смиренно в ночи тьму
Не дай погаснуть раньше срока свету своему!

Я тоже на закате время улучу –
Порадуюсь последнему лучу.
И ласковой любви неслышный ветер
Пронзает этот до трагизма тихий вечер...
И в этот миг я благодарствую судьбе –
Иного рока я б не пожелал себе:
Да, трудно пировать на собственной же тризне,
Но не было бы смерти – не было б и жизни!..

Не позволяй себе уйти смиренно в ночи тьму
Не дай погаснуть раньше срока свету своему!

Себе, любимому ☺, на день рождения

Остался глаз, как перст, всего один...
И опухоль в мозгах торчит (вот, блин!)
Хоть ух³, как было раньше, – целых два...
(Зато не слышат оба ни «ху-ху»⁴)
На кой сдалась такая голова?..
Во рту держу не зубы, а труху...

По пальцам болести уже не счесть давно!
(Хотя возможно ли на пальцах счесть говно⁵?)

³ Все же множественное число для слово «ух» – по логике – должно быть «ухи», а не «уши».

⁴ Помните, в детстве говорили: «А ху-ху не ху-ху?»

⁵ До сих пор не знаю, как правильно: «говно» или «гавно»? Все же предпочитаю «О».

Теряю... Так теряют девы честь!
И сердце – чуть получше головы,
Понятно дело: жесьть – она есть жесьть⁶.
Потерям несть числа...Увы, увы!

Да... Говорят, покой нам только снится.
А мне по-прежнему, друзья мои, не спится⁷!
Да, жизнь... И, правда, не проста ты!
Как скажет итальянец: «Мама мия!,
Неужто мало мудрецу простаты⁸?»
Господь вдобавок дарит лейкомию!

Я – как Антей. Друзья – моя земля.
Я только вами жив под этою луною.
Покуда жив – да, да! – бессмертен я⁹,
А потому бессмертны вы со мною!
Любовь и дружба – то, чем надо жить.
Так будем нашей дружбой дорожить!

Мише и Римме Топольским

Мы живем в заботах мелких
И с безумством глупой белки
Мчим куда-то, как и все
В бесконечном колесе...
День за днем сгорают свечи.
Скоро тьму прогнать уж нечем...
Стой, не трать себя напрасно!
Море, небо – так прекрасны!

Погрузись в природы диво,
Подыши неторопливо.

⁶ Имеется в виду искусственный металлический клапан сердца типа «St. Jude» (что бы это значило? ☺), который мне установили в 1991 году в Вашингтонском госпитале

⁷ Оговорка И. Ушакова: «Покой нам только снится, да только мне не спится».

⁸ Ословица И. Ушакова: «На всякого мудреца довольно простать».

⁹ Оговорка И. Ушакова в оригинале: «Пока я жив – я бессмертен».

Слушай страстно тишину ты
Взором в точке задержишь...
Ведь такие вот минуты
Ценной делают всю жизнь...

Не мечта ль интеллигента
Побродить средь улиц Гента?
Иль мечтою не паришь:
К черту все, хочу в Париж?

Каждый день цени и час –
Ведь живем последний раз!
Хочешь жни, а хочешь куй
Только жизнь не прокукуй!

Алейниана

(в 4-х частях без пролога и эпилога)

Часть 1. ВИКТОРИАНА (Вите)

Я сегодня петь хочу
Славу Ильичу.

Как стоваттная свеча –
Жизнь у Ильича!

Все работы по плечу
Виктор-Ильичу.

Медики, больных леча,
Учатся у Ильича.

И мне невзгоды нипочём
С *нашим* Ильичем.

Все друзья – лишь бросишь клич –
У тебя Ильич!

Всех зову и сам кричу:
СЛАВА ИЛЬИЧУ !!!

Часть 2. ЛЕНИНИЛАНА (Лене)

Такие вот у нас соседи:
Живет аглицкая fair-леди.
Но я вот на свою беду
Лишь знаю “Хау-ду-ю-ду”.
(Зато чуть выпью я по-русски,
Меня все тянет на французский,
Хотя всего-то знаю там:
“Пардон”, “Мерси”, “Шерше-ля-фам”.)

Но вот забросив этикет
(Живем мы с ними «тет-на-тет»,
Как говорят нижегородцы),
Мы стали вместе с ней бороться
За выполнение Указа.
(В день пили мы не боле разал)

Потом однажды в день ненастный,
Бутылку взявши вечерком,
Азартно резались в канасту
Почти до утра вчетвером...

Мы одурели на заре:
Прекрасный пол – два паровоза –
Дымили в четверо нозарей!
(Где ж видел без шипов ты розы?..)

Во сне поскуливая, Чарли
Наверно думал: “Не пожар ли?”

.....

Такие вот у нас соседи:
Живет аглицкая fair-леди...

Часть 3. СВЕТАНИЛАНА (Свете)

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть об Алейниковой Свете.
Она живет не как простые дети:
Ее окно глубокой ночью светит.

Или сама читает допоздна?
Иль оттого, что полная луна?
Уроки ли не сделала сполна?
Кто знает, почему не спит она...

А может, просто мама и отец
От полноты родительских сердец
Решили начертить ей, наконец,
Переплетенья втулок и колец?

Нет повести печальнее на свете...
Когда взрослеют бурно наши дети,
Уже так ярко солнце нам не светит:
Ведь скоро будем и за их детей в ответе!

Опять поступим в школу в первый класс...
Опять за ними только глаз да глаз!
Вот лампочка опять в ночи зажглась...
О дети, дети!
Пожалейте ж нас...

Часть 4. ЧАРЛЕЗИАНА (собаке Чарли)

Фрак надев, пристукнув шляпу,
Расчесав свои усы,
Он к глазам приблизил лапу,
Посмотревши на часы.

янулся сигаретой,
Чтоб огонь не затухал...
Вот и полночь: кукарекать
Уж пора бы петухам!

Он выходит синий-синий...
(Как поется в песне той!)
И поблескивает иней
Под усами с бородой.

Он идет походкой плавной
В Воронцовские Пруды.
На аллее самой главной,
Как печать, его следы.

И вокруг все – млад ли, стар ли –
Приласкать его не прочь...

.....

Я забыл сказать, что Чарли
Мне приснился в эту ночь!

Поздравление Маше от черепахолога

Возьмем хотя бы черепах.
Что в их безмозглых черепах?
Поесть, попить, поспать, покакать?
А как насчет чуть-чуть поплакать?
Или ж обратно – посмеяться
Над тем что у соседки яйца
Все в кладке съел злодей-варан?
А нет бы дать отпор вора!
Иль по закону б запретили
Рептильям пожирать рептилий.
Им б надо брать пример с людей,
У коих полон мозг идей,
Тех, что из лучших побуждений
Живут во мраке заблуждений.
Рассмотрим черепаший секс:
Влезает на ром-бабу кекс?
И вот стучит об камень камень.
Украшит жизнь свою деньками,
Когда живем мы не деньгами,
А в сладной неге моногамий!

А сколько страсти в этих рифмах,
Что бьют как волны в жизни рифы!

Вот перед вами черепаха:
И без упрёка и без страха.
А правда, в ихних черепах
Откель возникнуть может страх?
Пошто обычной черепахе
Вдруг призадуматься о страхе?
Представьте, право, черепаху,

Что вдруг обкакалась от страху?
Нет, хошь кричи, а хочешь ахай –
Хотел бы стать я черепахой!

Увы, я только человек,
Влачащий свой короткий век..

А посему желаю Маше
Я век длиною – черепаший!
Но в жизни черепашно-вечной
Чтоб радости всечеловечной
Костер всегда горел-пылал
И никогда не угасал!

Татьяне Васильевне на Татьянин день

В стране, где вместо роз – бурьян,
Не обойтись нам без Татьян.
Итак, она звалась Татьяной.
Жила не в терему стеклянном,
А в дачной хижине убогой
Под сенью партии и Бога.
(Не думайте, что я осёл:
Для рифмы партию, мол, вплёл.)
И слава Богу – Бог не выдал,
И не сжевал партийный идол!
Так как Татьяна там живет?
Как весь советский наш народ:
Она и жнёт, она и паплет,
Она растит и дочку Машу.
И в годы пиршества вампира
Преподает язык Шекспира.
И доброе в народе сея,
Спасает от беды друзей...
А в годы мутного застоя –
Не величает дурня стоя.
Жаль, что нет партии Татьян –
Она бы в ней была титан!
Уча, как совесть, ум и честь
Сквозь жизнь людскую нужно несть.

Уча, что должно жить в отваге
В делах, а не на партбумаге!
Простите, вновь блудница-муза
Свела меня к делам Союза,
К делам родной КПСС...
А здесь проблем – дремучий лес!

Уйдя от генеральных линий,
Вернёмся к нашей героине...

25 января 1983 г.

Татьяне Васильевне в День Ангела

Мой рок, моя судьба – Татьяны,
Загадкой вечной осиянны.

В романе жизни – три главы:
Татьяны – дочь, жена и Вы.

Жена со мной, мой верный друг.
Дочь, как всегда, в кругу подруг...
(Но будто я затеял торг,
Кто лучше!) Вы – души восторг,

Вы будоражите мой ум,
Владея многими из дум.

Я помню дерзкий эпатаж:
По древу на второй этаж
Я лез с цветком для Вас в зубах,
Как на балкон испанских мах.

Живи я в дни Средневековья,
Когда решалось много кровью,
За Вас весь рыцарский турнир
Изрешетил бы я до дыр,

А забияку Ланселота
В Йоркширские б загнал болота!

Но мы, увы, живем теперь.
И кошка – самый страшный зверь.

В среде советского уродства
У Вас учусь я благородству,

Как в мире призрачных идей
Глаголом *греть* сердца людей.

(Зачем же жечь? Одна лишь трата
Плюс злая слава Герострата!)
Как добротой своей души
В подлунном мире зло крушить,
Как, возлюбя библейски ближних,
Нельзя людей карать облыжно...

Характер Ваш и прям и щедр,
Как во дворе сибирский кедр.
Ума блистательного блёстки –
Ваш юмор иронично-хлёсткий...

В день Ангела позвольте Вам
Мне, кто шершел немало фам,
Признаться в искренней любви.

С дисциркуляцией крови
И с диплошней от инсульта

Слуга Татьянинного культа.

В ночь с 23 на 25 января 1988 РХ.

Маше

Испокон веков жила Святая Русь
Светлым мужеством своих Марусь.
И коня, бывало, остановит на бегу,
И под палкой мужниной по пьянке ни гугу.
В дни пожарищ двор спасает от огня,
В годы ратные – на пашне за коня.
Но, конечно, апогей рассвета
Всех Марусь – когда вся власть Советам.
Что там по хозяйствам колушаться?
Им страну даёт эмансипация!
И теперь все видят, что не труся,
Первою шеренгою идёт Маруся!
Накидает шпал за день с полтыщи,
А потом по магазинам долго рыщет,

Чтобы накормить детишек рать,
А потом бельишко постирать. . .
К полночи устанет, как собака.
Здесь её мужик уж ждёт, однако! . .
Вот такая у Марусь судьба. . .
Здесь Мари-француженке – труба!
Здесь англицкой Мэри просто гроб. . .
Ну, а нашей Мане – да хоть бы штоб!
. * * * .
Если б был я Мухиной, тогда бы
Мужика с ВДНХ убрал, оставив бабу,
В руку правую ей молот дал и серп,
Двух детей у ног поставил снизу,
В левую б - авоськи, чтоб во всей красе
Шла Маруся маршем в коммунизм!

Маше, спустя немало лет

Ты помнишь? Было семь свечей...
И по весне звенел ручей...
И солнце было горячей...
Смешно чирикал воробей:
«Ты-чей? Ты-чей? Ты-чей? Ты-чей?»
И ласка маминых очей...

А помнишь, было двадцать лет?
Весной пьянящий вишен цвет,
Июньских звёзд хрустальный свет...
И поцелуя жаркий след...
И почему-то грусть в ответ...
Загадок полон белый свет!

А вот и сорок за углом...
Уж есть, что вспомнить о былом.
Мать, муж и дочки за столом –
И все овеяно теплом.
И этот дом, родимый дом...

Семь свечек снова стали в круг,
По десять в каждой зимних вьюг
И лет... Да все случилось – вдруг!
Порой болят суставы рук,
А то вдруг сердца странный стук...

Но мы бессмертны все равно!
Бессмертие ведь нам дано –
Пока мы живы – есть оно!
И коли светит свет в окно –
Люби, дерзай и пей вино!

Лоре на день рождения

Слова б украсть
у старика Петрарки,
Чтобы Лауры
красоту воспеть
Налейте мне текилы,
водки,
старки –
Ведь трезвому
мне это не посметь...
Взгляд ироничных глаз
в полуулыбке...
Ахматовского профиля
черты...
И голос будто бриз
приморский зыбкий...
Движения
уверенно просты...
Чужой жене
не пел я дифирамбы
Уже, пожалуй,
скоро тридцать лет...
Сегодня ж
поневоле льются ямбы,
Хоть нужных слов
в моем запасе нет.

Что пожелать тебе
на день рожденья?
Будь впредь всегда такой,
какая есть.
Ведь женщин тех,
что будто наважденье, -
Их можно всех
на пальцах перечесть!

Светлане на день рождения

Что пожелать могу я Лане?
Она и так быстрее лани:
И глазом не успеть моргнуть –
Она проложит новый путь!
Сначала бизнес был стреножен,
Едва достала меч из ножен.
Пример для всякой местной бабы:–
Наш слабый пол – совсем не слабый!
И вот спустя немного лет,
В ее таланте новый цвет:
Уже мощней лавины сея
Мчит по Америке бестселлер,
Как наши девушки-крестьянки
Преуспевают в мире янки...
Другой такой на свете нет,
Хотя на свете много Свет.
Желаем счастья и успехов.
И не снимай своих доспехов!

Школьному другу в день 70-летия

О бэби, ты грустишь о бабе...
О бабе ли нам думать, бэби?
Подумай о душе, о хлебе,
А также о небесной хляби...

Поезд ушел на Восток

Перрон опустел. В предвечерней мгле
Таает скорого поезда хвост.
Светлые тени бегут по земле,
Как свет от далеких звезд.

Не знаю, увидимся ли еще...
А может, уже – и нет.
Я все еще чувствую твое плечо
И вижу глаз твоих добрый свет.

Вспоминаю, как было говорить легко
И как удобно было молчать.
А теперь ты уже далеко-далеко
И только колеса стучат...

И только ложка в стакане пустом
Позвякивает слегка...
А поезд мчит тебя на Восток,
Туда, где ветры, снега...

И знаю, эта ложка, звеня,
Напоминает перронный звонок...
И ты сейчас вспоминаешь меня,
И пульсом стучит висок...

Будто с дерева последний лист
Сдул ветра осенний порыв.
И день по-особому как-то мглист
И зябок еще до поры...

Не знаю, увидимся ли еще...
А может, уже – и нет.
Но я буду чувствовать твое плечо,
Пока в очах моих свет...

**Жене Введенской
в день очередного
восемнадцатилетия**

Здесь в этой дальней стороне –
Куда не плюнь – кругом Восток! –
Не пой, красавица, при мне
Про жизни западной восторг.
По южным улицам бредя,
Вдали от родины унылой
Напой мне, душу бередя,
О прошлой нашей жизни милой.
Про тройку и цыган у Яра,
Про утро серое, седое,
Про клён, уже зачем-то старый,
Про сердце вечно молодое...
В романсе русском – искры снега
И жар души и сердца пламень.
Ты и в ленивом Сан-Диего
Заставишь плакать даже камень.

Кате к 18-летию

О белые розы!
Как юные грёзы,
Как вешние грозы...
Как первые слёзы
Под звук Лакримозы...
Средь жизненной прозы
Лишь белые розы
Спасут от угрозы,
Согреют в морозы
И высушат слёзы...
О белые розы!

Балхашская полигонная поэма

Памяти

Леонида Залмановича Зайдмана,

Лёньки Зайдмана

Бывают истории интересней странней,
а это простая быль.
Было всё это стране,
Где только пыль.
В стране, где только синий и желтый –
песок и небо везде.
Где солнца ржавый болтается желудь
и льет жарницу весь день.
Где ночью крошечной, мешая сну
и звёзды беззвучно кроша,
кто-то во тьме гоняет луну,
как бильярдный шар.
Где, изваявшиеся в пыли,
вечно ветры скрипят...
Здесь – на самом краю земли –
жили трое ребят.

Об этом напишут романы и очерки:
Романтика, пафос – богатая пища!
На деле это намного проще.
Совсем не так, как об этом напишут.
Время однообразится капля за каплей...
... сегодня...

...завтра...

...вчера...

Длинные, как ноги у цапли,
утра, дни, вечера...
«Романтика!..»

Это смешнее,
чем солдат в сортире с ремнем на шее!

За стеной вся ночь перепита и перепета
насквозь.

Не заснешь.

Хуже, чем от клопов.

Может, был успешный запуск ракеты,
а может, праздник церковный –

Вера, Надежда, Любовь.

Или кто-нибудь устроил проводы...

Или скуку,

как суку,

топит в вине...

А может, и вовсе без повода.

Или именно оттого, что повода нет

Едем, едем на Балхаш

Аж!

Студебеккер нас несёт,

Черт!

Ему дорог не разбирать,

Твою мать!

От пыли не продохнёшь,

Твою ёшь!

Искупаться бы не грех,

Эх!

Заорганизуй досуг,

Друг!

Ну, налей-ка мне стакан,

Старикан...

.....

Пыль пора уже опять

Глотать!

Едем, едем с Балхаша...

Ша!..

Конец недели был хорош,

Ядрёна вошь!

Ушёл Вадим Книжник...

Жизнь состоит из потерь и находок.
 Больше находок – в начале похода.
 Ну, а концу его, то есть теперь, –
 Больше потерь...
 И все же потеря потери рознь.
 Раньше: поссорились – разъехались врозь.
 А теперь и без ссор случается иногда:
 Уходят друзья и – увы! – навсегда...
 Но и уходы навсегда не сравнить...
 Одно, когда рвется от старости нить.
 Другое – когда уйдёт навсегда
 Жизнь, которая так молода!
 Но большее всего на свете,
 Когда навсегда уходят наши дети,
 А мы остаёмся... Лучше нам уйти!
 Но нам суждено – сиротливый остаток пути...



КНИЖНИК Вадим Генрихович (1962 – 1987), выпускник Московского Физтеха, защитил диссертацию по теоретической физике, работал м.н.с. в Институте теоретической физики им. Ладау. Успел опубликовать всего с десяток научных работ, но успел оставить яркий след в науке: всемирную известность ему принесла работа в новой области — теории струн, где он изящно доказал одну из фундаментальных теорем.

Я знал его еще мальчиком-школьником – с его отцом мы учились в одном классе со второго по десятый классы и дружили. Дружим и до сих пор...

Смерть Вадима наступила внезапно: в метро, когда он ехал на семинар в Черноголовку, ему стало плохо с сердцем. Квалифицированную медицинскую помощь на месте ему оказать не смогли...

Памяти Сережи Антонова

Бывают люди – они как воздух:
Они незаметны, когда они есть.
Они совсем, как на небе звезды:
Много их, вроде бы даже не счесть.
Но вот, когда в ярком полете,
Метеорит завершает свой путь,
Тогда внезапно вы с болью поймете,
Что всё уходит когда-нибудь...

* * *

Я помню, мы сидели у нас на балконе
Догорало в закате калифорнийское небо.
Облака паслись, как белые кони,
Не спеша уходя в бесконечную небель...
С яствами было совсем не густо.
Мы, молча, тихо попивали чай...
Молчание – это большое искусство.
Ведь мало, кто умеет красиво молчать.
Мы смотрели, на пальмы, на соседний дом...
Ветерок шевелил волос редеющих шелк.
Мы, наверное, думали с ним об одном...
Он сказал задумчиво: «Как хорошо...»

* * *

И вот сейчас я сижу на том же балконе,
Где мы с ним сидели лет пять назад.
Надо мною чайки надрывно стонут.
Я его вспоминаю, закрыв глаза...
И видится мне, как с улыбкой усталой
Он говорит мне обычными, вроде, словами:
«Не горюйте, друзья, что **меня не стало** –
Радуйтесь тому, что **я был** с вами ...»

Нет повести прекраснее на свете...

Шекспир... Ромео и Джульетта...
 Вражда Монтекки с Капулетти...
 Скажу я вам, фигня все это!
 И для чего все страсти эти?

Каноны классики поправ,
 Я мир покину этот светский:
 Герой мой не маркиз иль граф,
 А человек простой, советский.

И героиня –
 Не графиня.

И их любовь – то не каприз
 Юнцов, скажу я между нами:
 Ведь не сравнить вечерний бриз
 С порывом бурного цунами!

Владимир, звали так героя,
 Был темпераментен, умён,
 За друга мог стоять горою,
 Был добр, находчив и силён.

А кто же героиня наша?
 Звалась она Фролова Маша:
 Умна, красива, свет в очах,
 От коего любой б зачах.

И вот судьба в лице Наташи,
 (Старинная подруга Маши
 И однокурсница Володи)
 Героев наших вместе сводит.

На свадьбу Лёши и Наташи
 Они приглашены поврозь.
 Так встретились герои наши,
 И *это* сразу началось!

Любовь всегда была и будет
Загадкой вечной бытия...
Кто скажет, как находят люди
В толпе своё второе «я»?

Стоял июнь. Звенело лето...
И ночи звёздами сияли.
И от заката до рассвета
Два юных сердца сна не знали.

А после месяца разлуки
Они навек сомкнули руки.

И я там был,
Мёд-водку пил.

Союз двух душ, и безо всяких «но» и «если»,
Сплав двух навеки преданных сердец,
Гармония прекрасной безупречной песни,
И матери с отцом прекрасный образец!

В День Свадьбы Золотой, мы с Таней
Желаем вам любви, здоровья, счастья.
Надеемся, что час еще настанет,
Когда в одном застолье примем мы участие.

И мы желаем вам всегда:
Гори, сияй, Любви Звезда!

Шалом, Израиль!



*Мише и Люсе Липкидам,
в гостях у которых
я был в Шаари-Тиква
в Самарии.*

Возвращение из Израиля

Я лечу.

Возвращаюсь домой.

Подо мною Атлантика.

Жаль, Господь, ты мне не дал талант, или хотя бы талантика,

Чтобы старую дружбу воспеть, подобрав без ошибки слова.

Мало стоящих слов... Вместо зёрен так часто в горсти полова...

Встретил друга я, с кем мы дружили еще пацанами.

Сколько вод утекло! Сколько лет отцвело!

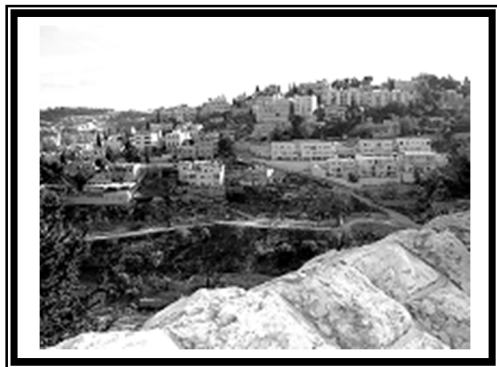
Нас по свету развеяло жизни цунами.



Побывал я в гостях, в этом древнем библейском
Израиле,
В том, что недруги общие наши бесчеловечно
изранили.
Здесь, на этой земле, где сплетается святость с злодейством,
окунулся душой я в далекое и незабвенное детство.

Галилейское море

Говорят, здесь Иисус по воде проходил, аки по суху.
А я вот по суше иду, да боюсь довериться посоху:
Я у друга опоры ищу, гощу у которого, – он и
надежней, чем посох – ведь тот лишь от дерева сук оторванный.



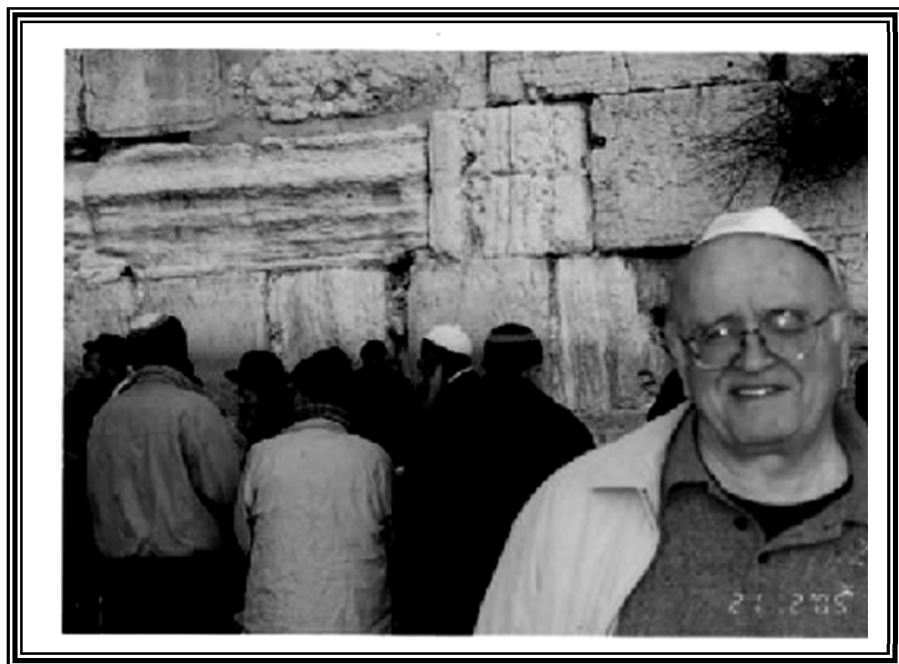
Хожу по камням, что каждый помнит Иисуса,
Хотя все это не факт, а миф, что передается изустно.
Простите, Христа ради, меня, старого кощуна –
Но не верю... Правда, надеюсь, что душа моя будет прощена:
Ведь для меня в этом мире дружба всего святей,
А святые – они опадают миндалевым цветом с ветвей...

Ладно, пусть он по водам ходил: дань Иисусу воздам,
Только сам вот, пожалуй, не пойду по водам.

Не пойду, не просите! Никого не хочу я учить,
Да и обувь, по правде сказать, не хочу замочить.

АЗЪ ЕСМЪ

Нет, не кощунствую я! Я знаю: что свято – то свято,
Но сейчас по-земному святым мои сердце и разум объяты.
Ну, а что в этом мире, действительно, дружбы святей?
Разве лишь жизни и судьбы наших любимых детей.



*Борт рейса 1626 Тель-Авив – Нью-Йорк.
24 февраля- 25 февраля 2005 г.*

АЗЪ ЕСМЬ
«ГРАФИКОМАНИЯ»

Явление графомании давно известно. Это когда люди, думающие, что они могут литературно писать пишут. Да собственно говоря, в самом факте писания (как и *писания*, впрочем) ничего плохого нет: это даже полезно: это облегчает душу (а второе – мочевого пузырь ☺).

Просто нельзя своей писаниной насиловать других.

А я вот болен другой болезнью – «графикоманией»: мне часто хочется сделать набросочек того, что я вдруг интересное увидел. В отличие от «профессиональных графоманов», я знаю, что рисовать не умею. (Вот про свои стихи я иного мнения, скажу без ложной скромности.)

Но поскольку книга эта пишется мною для собственных детей и внуков, то я поместил скромненько свои рисуночки «в самый зад». Им, я думаю, это будет интересно.

Да и кое-какие мои друзья могут найти это интересным.

Я решил даже сопроводить рисуночки небольшими комментариями (вот это уже графоманией попахивает ☺).

АРМЕНИЯ



Монастырь Севанаванк.

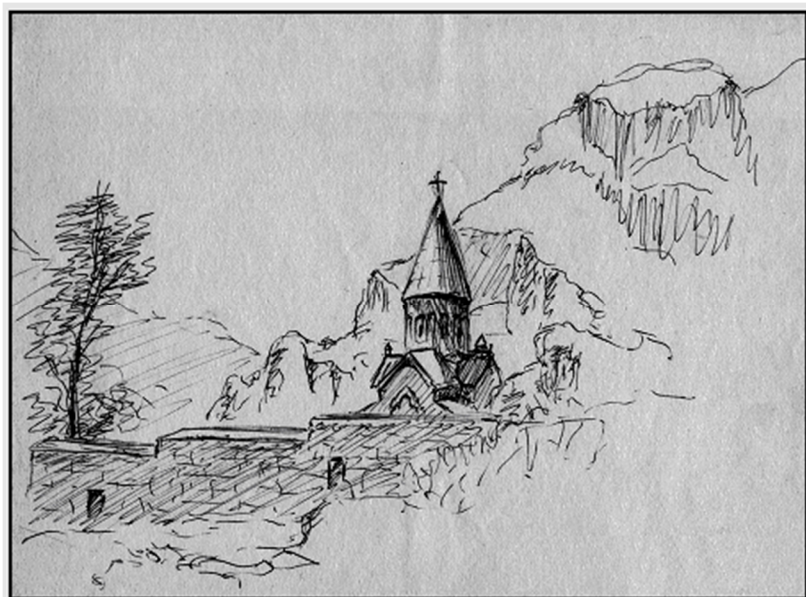
Как величественно скромна эта церковь Св. Карапета на полуострове (бывшем острове) озера Севан!

После разоблачения культа личности, на известной протиражированной тысячами экземпляров гипсовой скульптуре, изображавшей двух великих вождей не менее великой революции, сидевших чуть ли не в обнимку на скамеечке, Сталина буквально вырубили, а Ленина оставили сиротливо сидящим. У меня есть памятное фото, где я сижу на скамейке, а «наш Ильич» запанибратски обнимает меня...

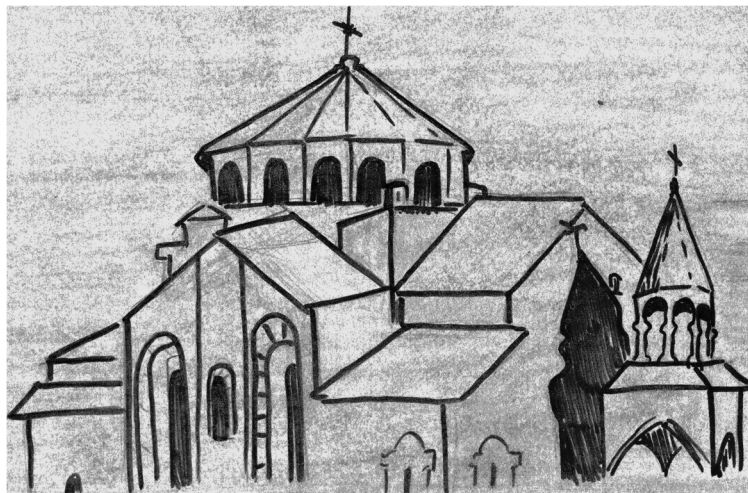
Но этот рассказ просто для затравки.

В Армению я начал ездить очень давно. У меня там даже есть две крестные дочери (это у меня-то – убежденнейшего атеиста, а тогда еще и члена славной партии коммунистов безбожников!). Зовут моих крестных Анна и Марианна, а их папа Ашот Геворкян, один из моих первых аспирантов.

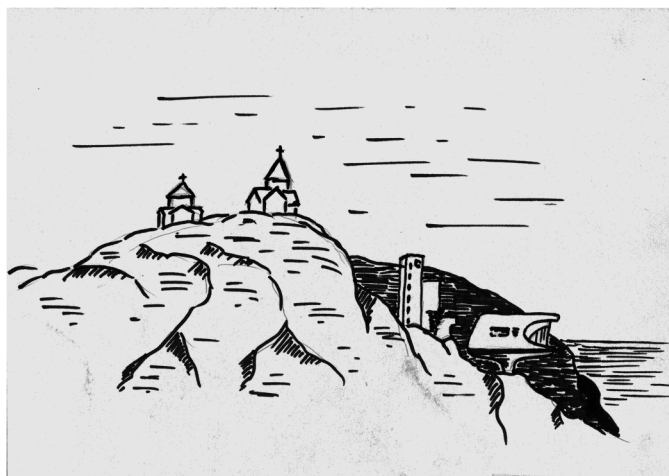
После защиты кандидатской его отец настоял на том, чтобы я был крестным у его внучек, а в их доме я сидел за столом по правую руку от него, за старшего сына.



Гегард – старинный монастырь в горах.



Эчмиадзин, одна из главных святынь Армении.

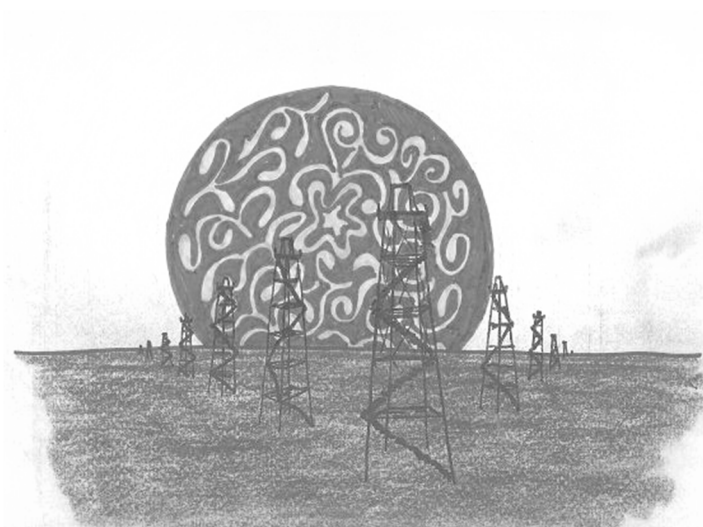


Севанский остров-полуостров.



Вид на остров на Севане.

АЗЕРБАЙДЖАН



«Бакинское солнце». (Рисунок цветной. Солнце – яркочерное, закатное, а узор на нем – яркочелтый.)

ГРУЗИЯ



На холмах Грузии лежит ночная мгла...

Ну, а кто же не любит Тбилиси, который сами грузины любовно называют «наш маленькуй Париж»?



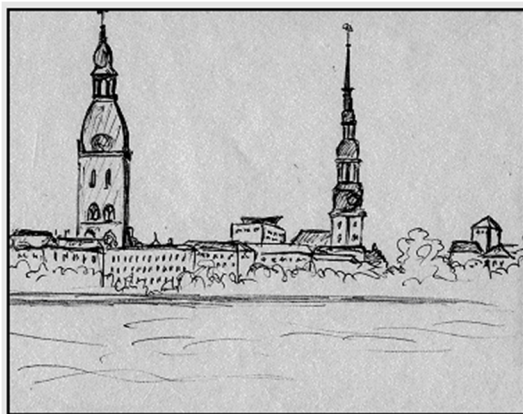
Храм Метехи над Курой.



Вечер. Улочка старого Тбилиси.

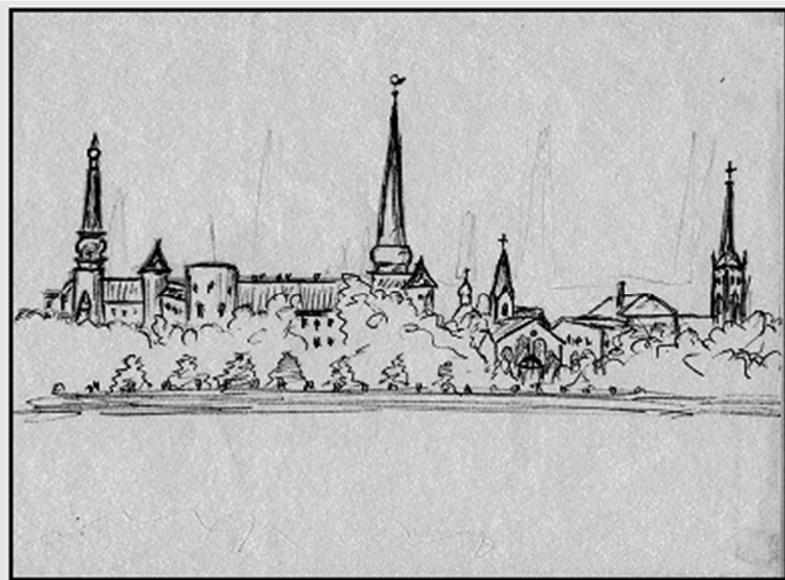
ЛАТВИЯ

Но самые старые мои воспоминания связаны с Ригой – это была моя первая «заграница». Я туда неоднократно ездил в гости к отцу, который преподавал в Рижском авиационном училище, которое потом переросло в технический университет.



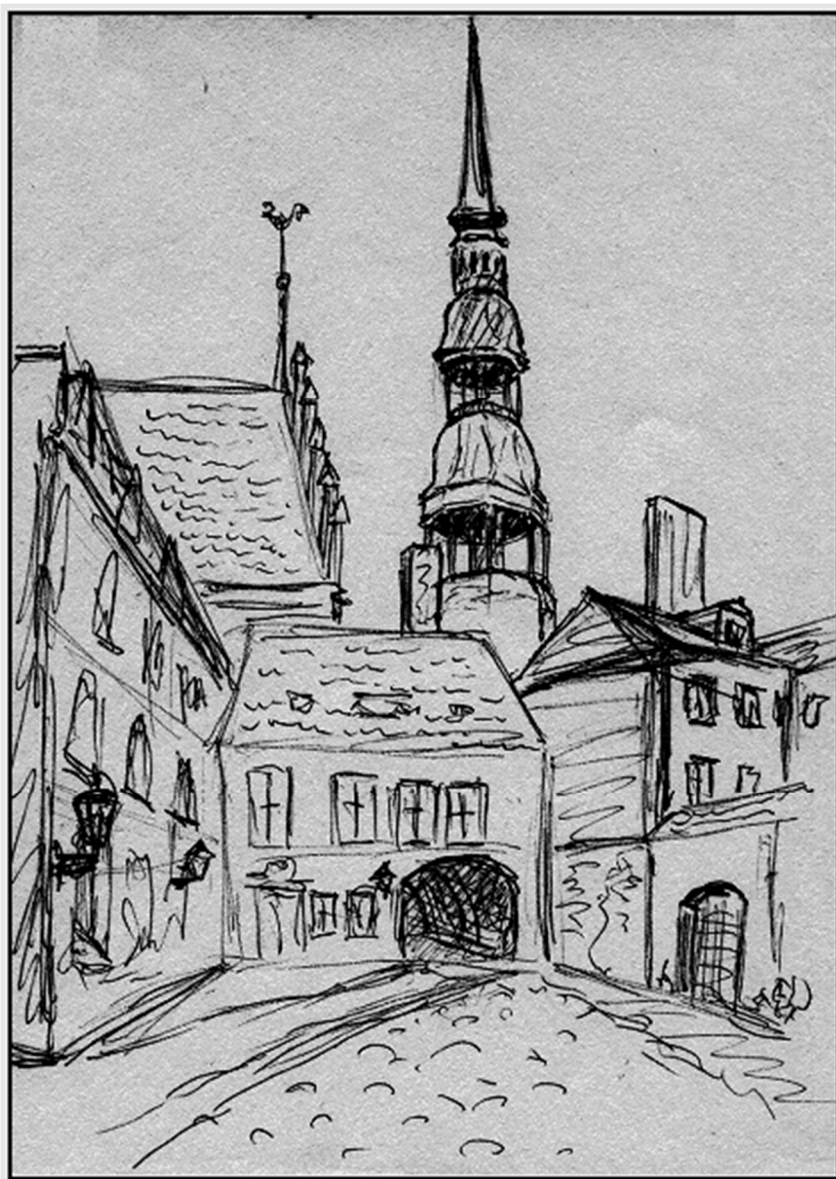
Домский Кафедральный Собор.

(Не знаю, почему говорят так: ведь «Дом» это и означает «Кафедральный собор».)



Вид через Даугаву на Старый Город.

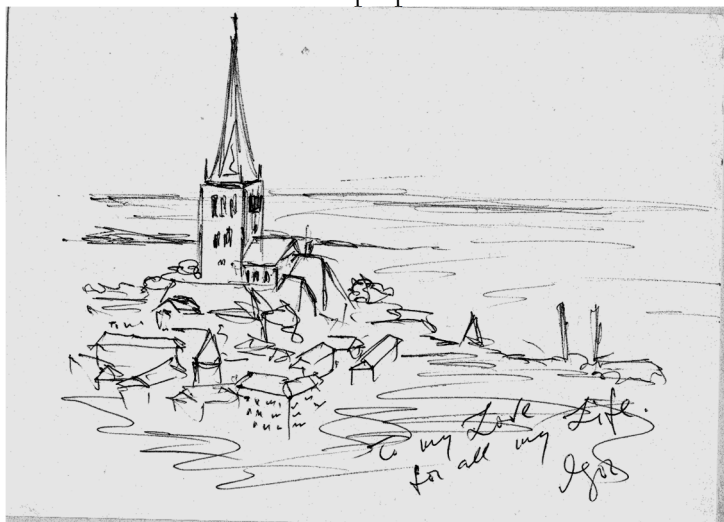
А это Домский со стороны переулочка, который выходит на Домскую площадь.



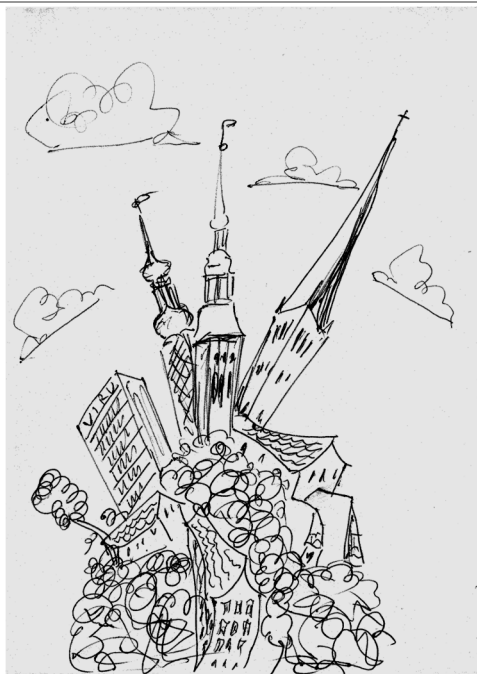
ЭСТОНИЯ



В Эстонии я побывал всего пару раз. Но как же можно было не заметить Толстой Маргарет?

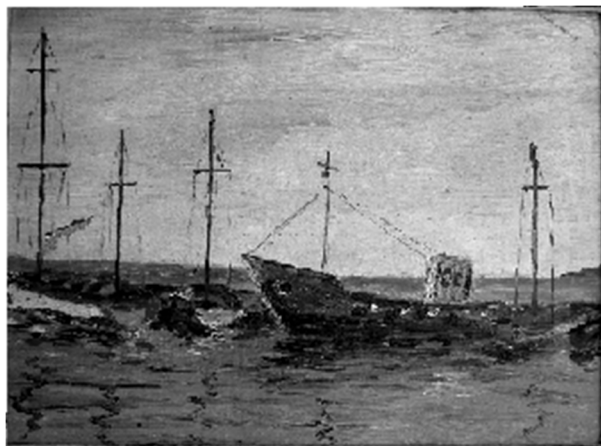


Вид из окна гостиницы «Вийру».



А это «Таллиннская друза».

ЛИТВА



Нида. Яхты у причала.



Внутренний дворик Тракайского замка.

От Литвы у меня осталось много зарисовок, потому что мы вместе со Славой, когда ему было лет 11-12, ездили «на пленер». Он тогда учился в художественной школе, и у него было задание на лето. Тогда и я взялся за масло (впрочем, с еще меньшим успехом, чем за грифель!).



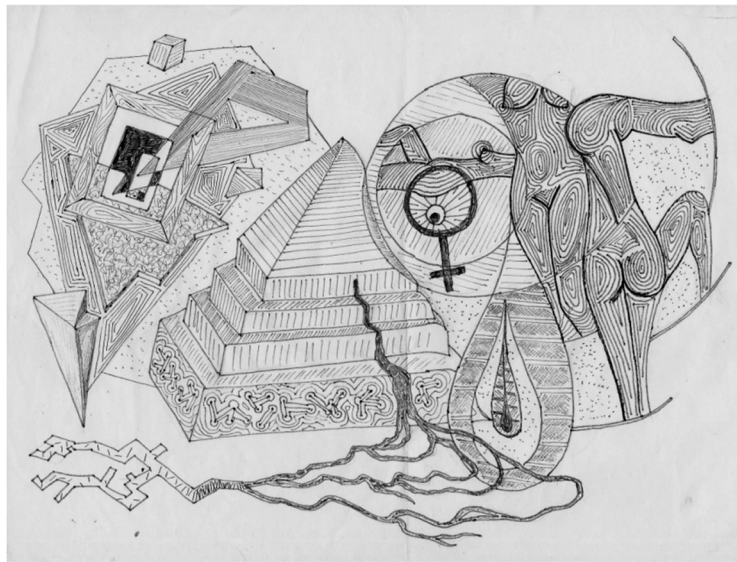
Тракайский замок. Вид со стороны озера.

Мы сначала побывали в прекраснейшей Каунасской галерее современного искусства, где среди многих картин на меня произвел большое впечатление Жорж Руо (картина называлась вроде «Шествие с хоругвями», или что-то вроде.) А стиль рисунка грубым контуром облегчил мне жизнь ☺.

Из Каунаса мы направились в Ниду, на Куржскую косу.



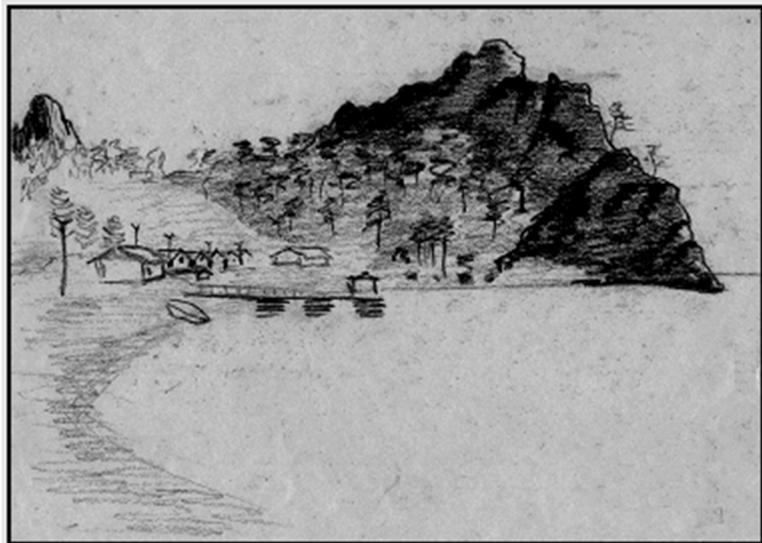
Вид на поселок на берегу озера.



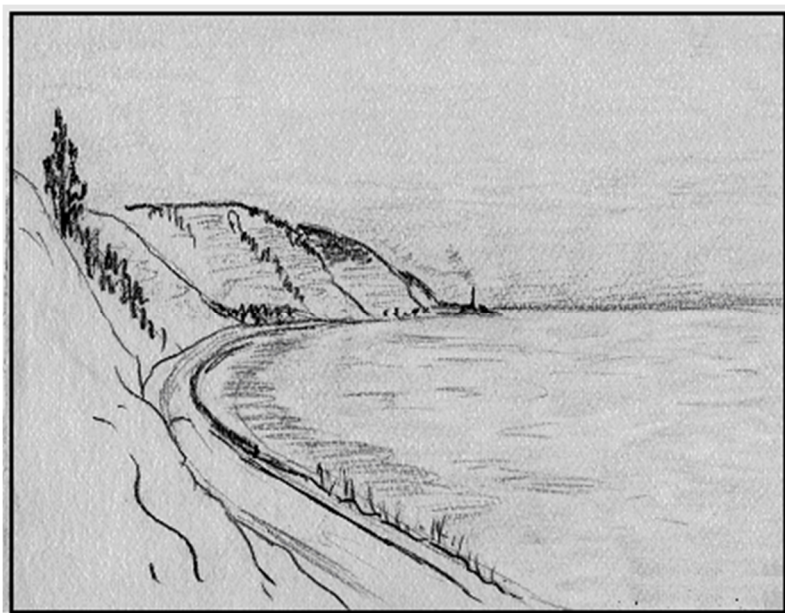
Навяно Нидой...

БАЙКАЛ

Но моей настоящей любовью стал Байкал, с ним связано и основное событие в моей жизни – там я встретил Таню...



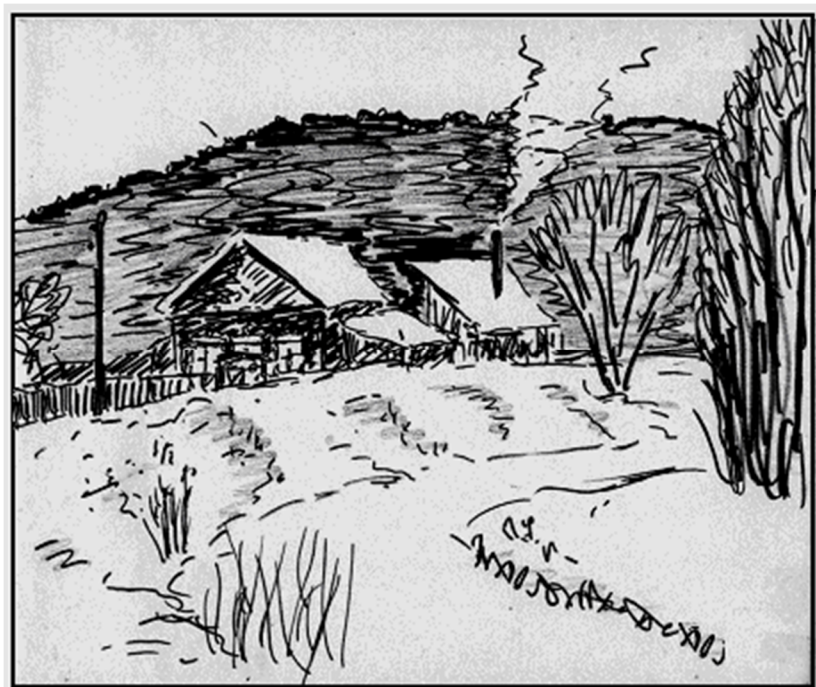
Бухта Листвянка



Вдалеке – порт Байкал.



Дача близ Ангары.



Еще одна дача там же.



Храбрый ручеек впадающий в саму Ангару!

Когда я впервые летел в Иркутск из Москвы, я страшно волновался. Да, я объездил всю Россию – был и во Владивостоке, и на Кольском, и на Приполярном Урале, и во Владивостоке... А теперь предстояла встреча со столицей Сибири!

Летел я в «туристской форме»: джинсы, ковбойка, свитер и рюкзак. Сразу же в иркутском аэропорту мне скрутили руку за спину дюжие милиционеры, больше похожие на переодетых десантников. Отобраны документы, шмон в рюкзаке... «К кому едете?»-«На конференцию в СЭИ...» - «Кто-нибудь встречает?» - «Да, директор института профессор Руденко.» - «Ха-ха! Профессор! Небось такой же, как ты сам?»

Но все же вышли из кутузки, прокричали мою фамилию. Появился и Руденко. Поздоровались мы с ним весьма сердечно. «Да, это профессор Ушаков, я его встречаю. А в чем, собственно, дело?» - «Извиняйте, неувязочка вышла. У нас тут намедни зек дал ноги. По описанию очень на профессора вашего похож.»

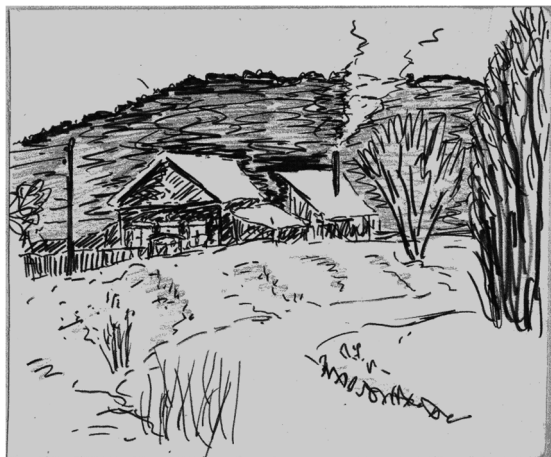
Посмотрели мы на дачки ученых, а теперь и на избы обычные поглядим.



Недостроенная изба в сопках.



Сибирское зимовьё.



«Академические» дачи.

Вот это уже интерьер не дачи доктора наук и даже не дача м.н.с. Это обычная крестьянская изба.



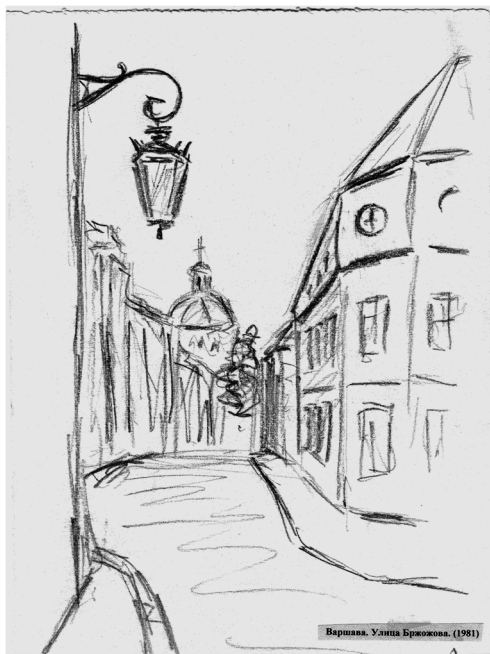
В избе.



Иркутск. Знаменский монастырь.

Вот дошло дело и до границы.

ВАРШАВА



Варшавская улочка.



Варшава. Костел Св. Павла.



Варшава. Костел Св. Казимира.

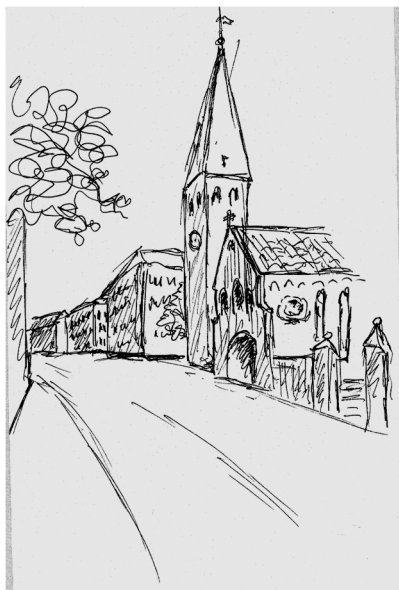


Варшава. Костел Св. Кръжжа.

КОПЕНГАГЕН



Храм.

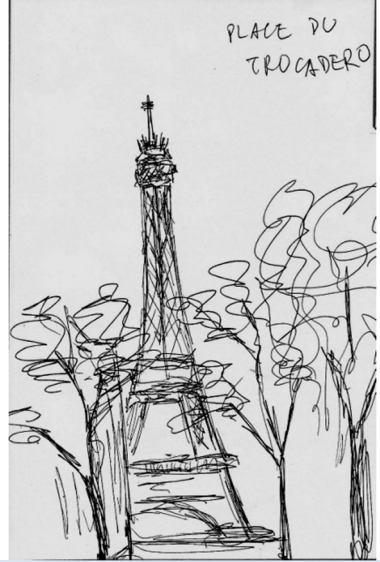


Уличка Копенгагена.

ПАРИЖ



И вдруг возникла Эйфелева башня...



Вид со стороны площади трокадеро.



Деревня антикваров



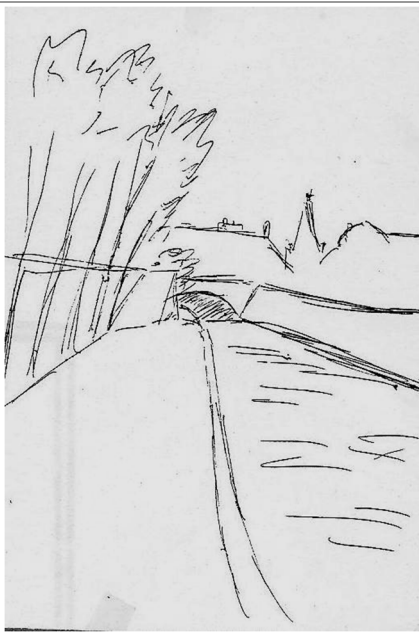
Рисовал на ходу... Было не до названий!



Улица Шанселери.



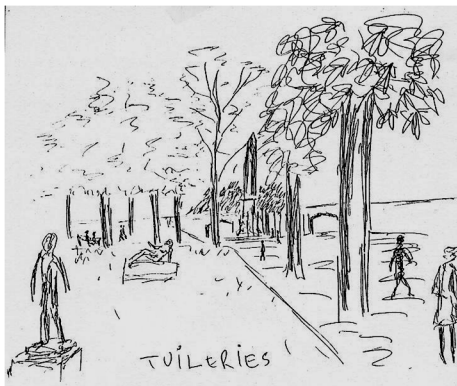
Какой-то уютный уголок. Уличное микро-кафе.



Не помню, что, но было красиво!



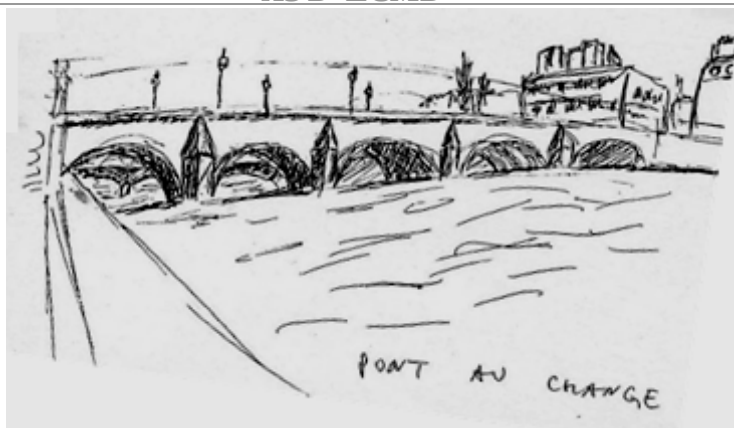
Озеро в Булонском лесу



Сад Тюильри.



Какая-то кафешка.



Мост менял.



Советское Консульство в Париже.

Времени на традиционное советское ожидание хватило для некоторых графических подробностей ☺.

ГРЕЦИЯ



Православная церковь.

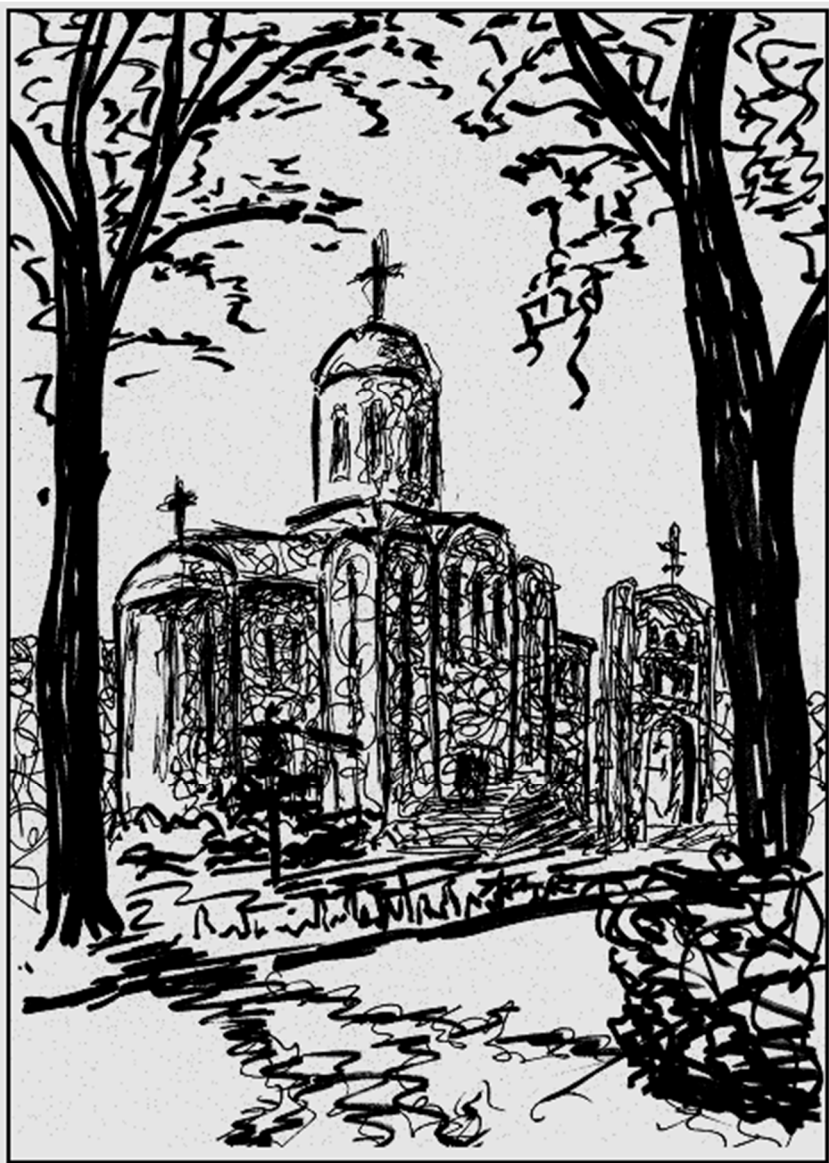
ВАШИНГТОН

Ну, а после Сибири почти сразу я попал в Вашингтон. (Вообще-то обычно советские люди делали путешествие в другом порядке!)

Пригласили меня читать лекции, потом был операция на сердце перед самым возвращением... Ну, да это длинная история, к тому же я много об этом уже писал.



Вашингтонский Кафедральный собор.



Церковь Св. Николая в Вашингтоне.

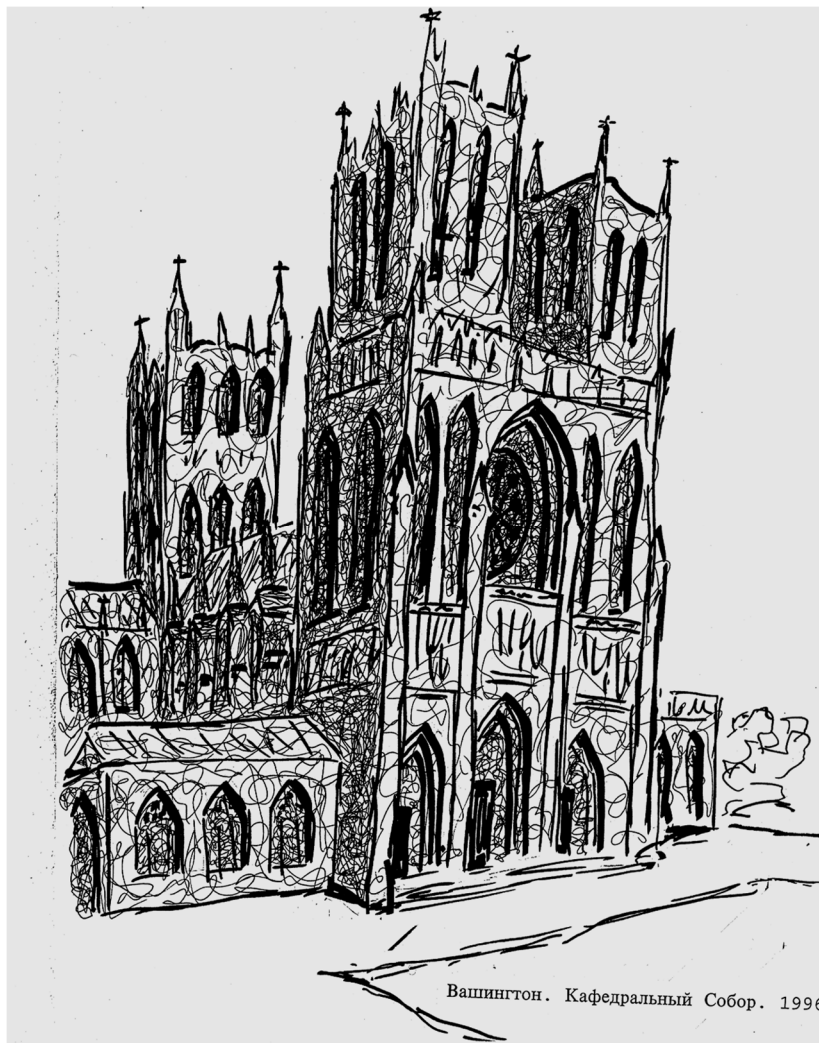


Вашингтон. Кафедральный Собор. 1996

Вашингтонский Кафедральный Собор.



Он же.



Вашингтон. Кафедральный Собор. Главный вход.



Тот же Собор «с экспрессией».



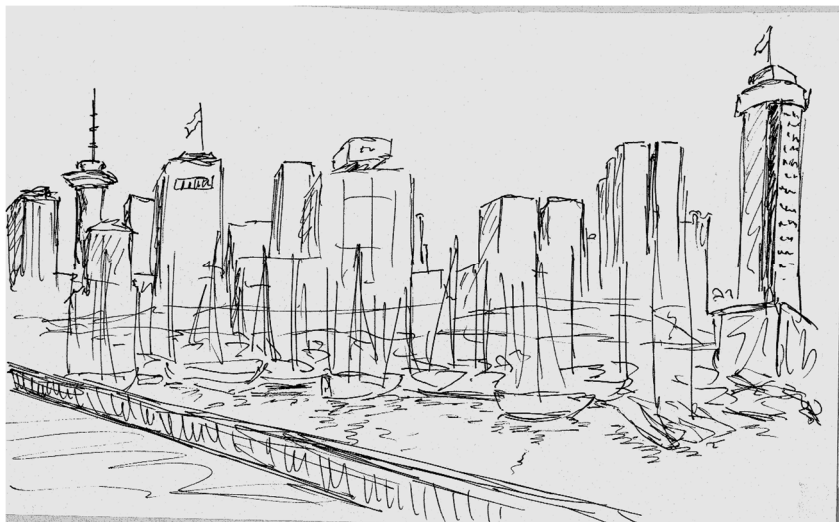
Washington. Вид из окна офиса Джона Кетгела. (1991)

Вид из окна моего офиса в Вашингтоне.

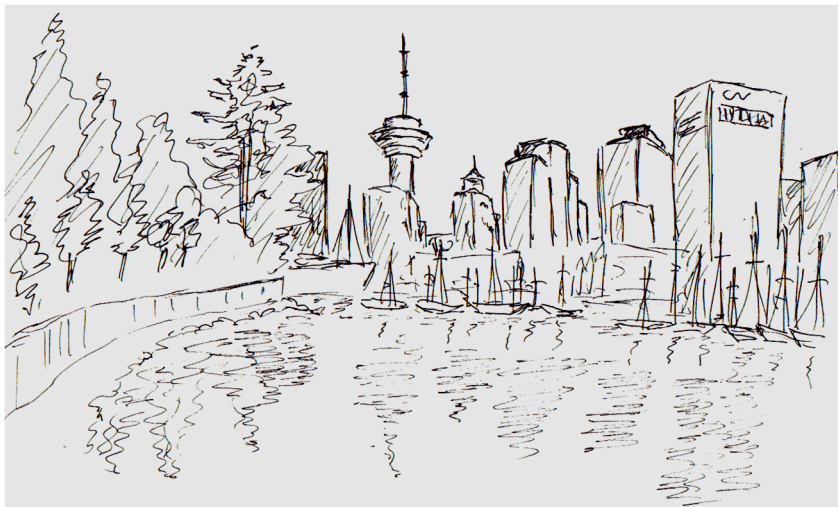


Греческая православная церковь в Вашингтоне.

ВАНКУВЕР



Яхты, яхты, яхты...



Вид на телебашню через залив.



Вид на даунтаун.



Около Ванкувера.

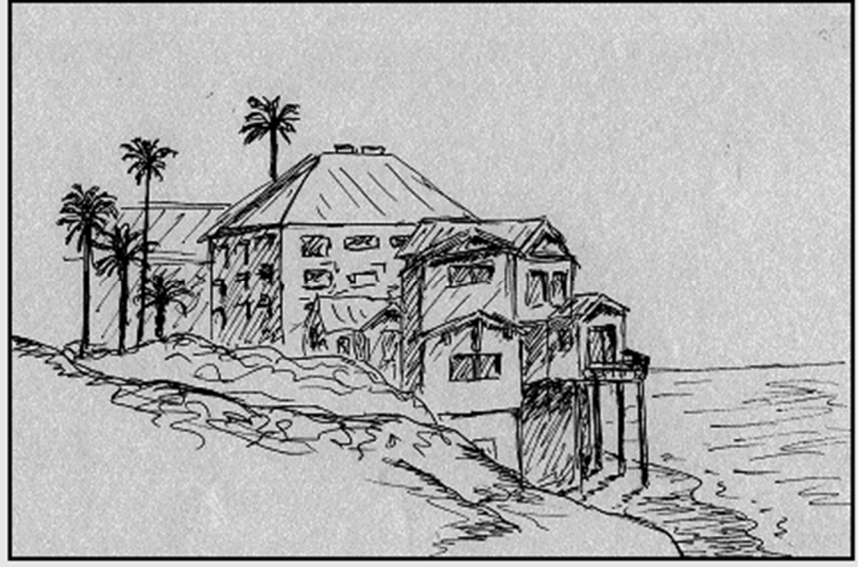
САН-ДИЕГО

А потом судьба забросила нас на Западный полюс Земли – в славный город Сан-Диего...

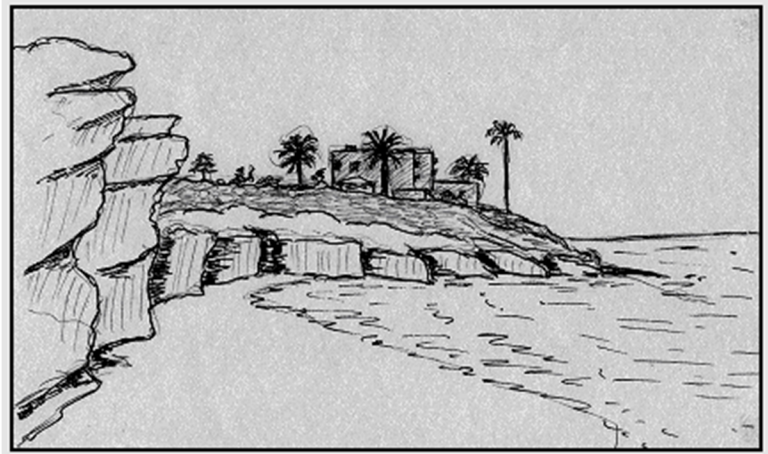


Вид с крутого берега на даунтаун Ла-Хойи.

Город этот, хоть и является шестым по численности населения в США, привлекателен своей несуетной и какой-то уютной жизнью. Есть у него и даунтаун, но похоже, что живут там только дауны...



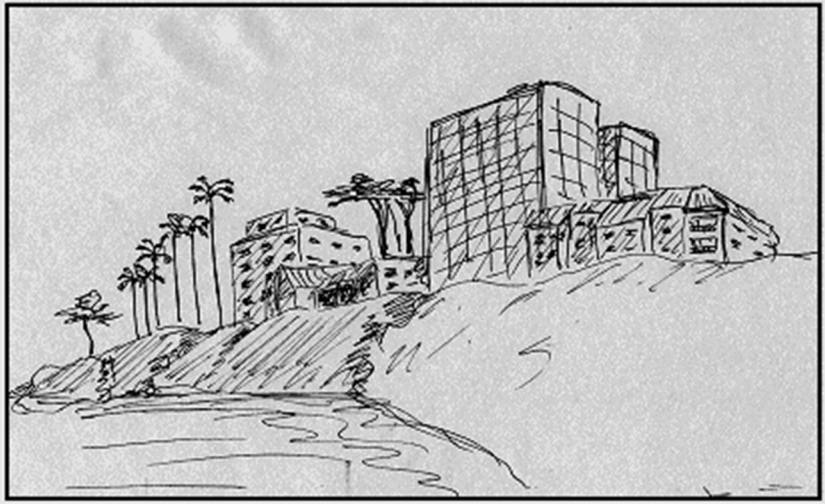
Домик на берегу Тихого океана.



Берег не очень тихого Тихого океана.

АЗЪ ЕСМЪ

Мы живем в Ла-Хойе, одном из районов Сан-Диего. Чтобы понять, что это за место, достаточно сказать, что название происходит от испанского слова, означающего «Жемчужина». У нас есть даже свой даунтаун, не похожий ни на один другой даунтаун, которые я повидал.

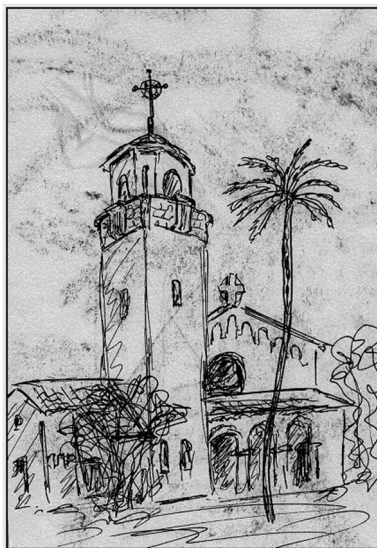
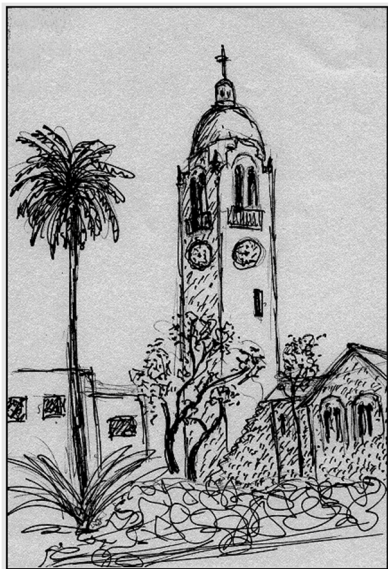
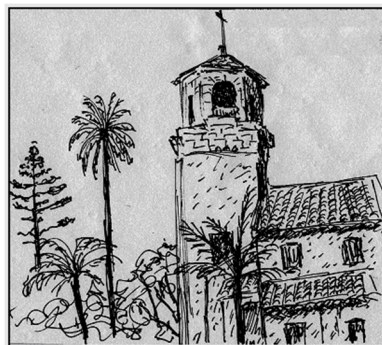
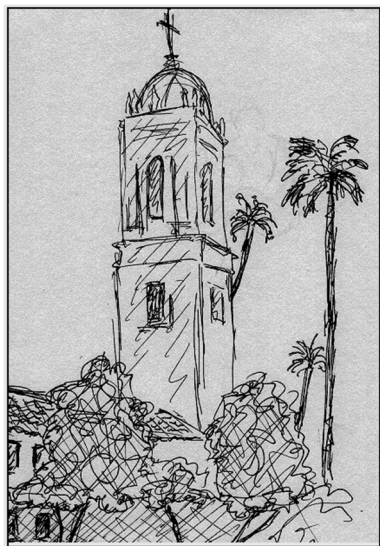


Даунтаун Ла-Хойи.

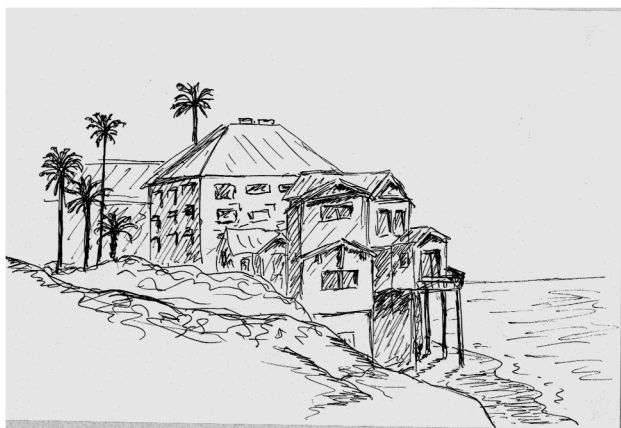


Красиво жить не запретишь!

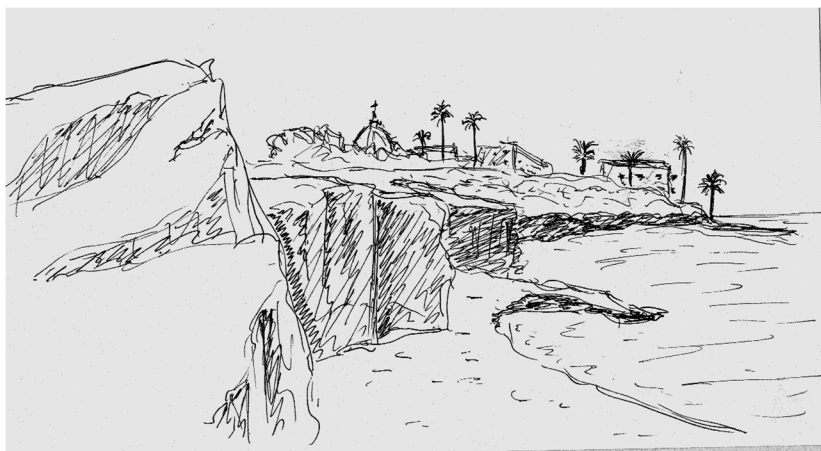
И конечно же в даунтауне Ла-Хойи полно красивейших церквей!



...



Избушка на курьих ножках на берегу Тихого океана.



Берег океана в Ла Хойе.

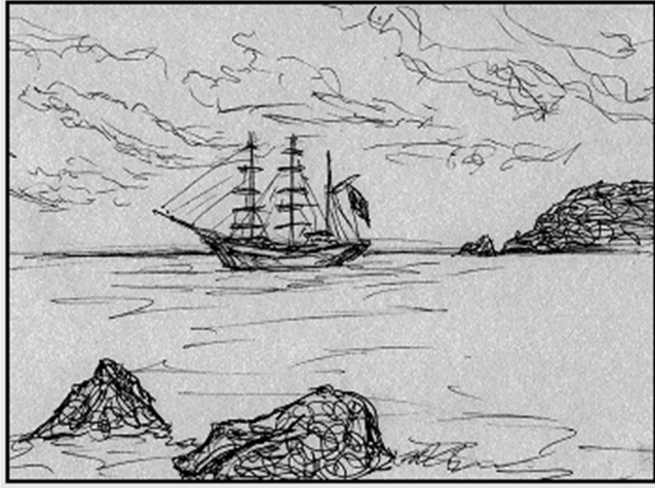


Ла Хойя. Южная часть берега.

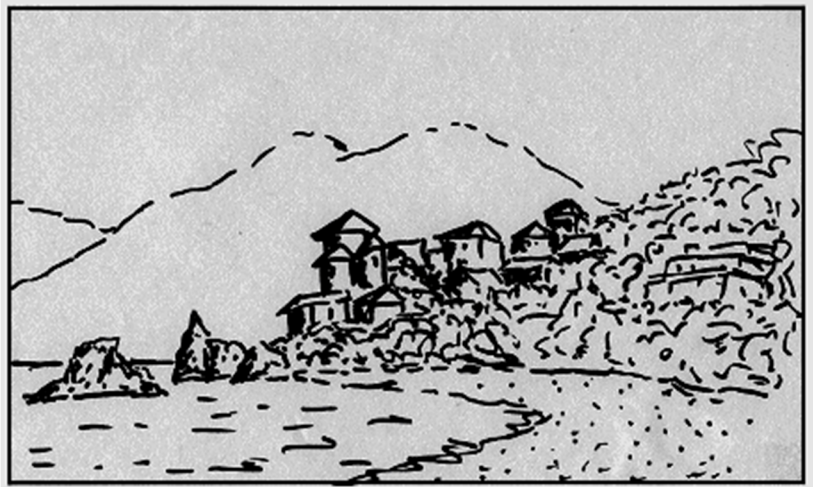
МЕКСИКА

Ну, а когда прискучит жить в раю, можно навестить Мексику, которая чем-то даже напоминает Россию...

Но курорты – вполне безопасные и комфортабельные. Много очень красивых уголков.



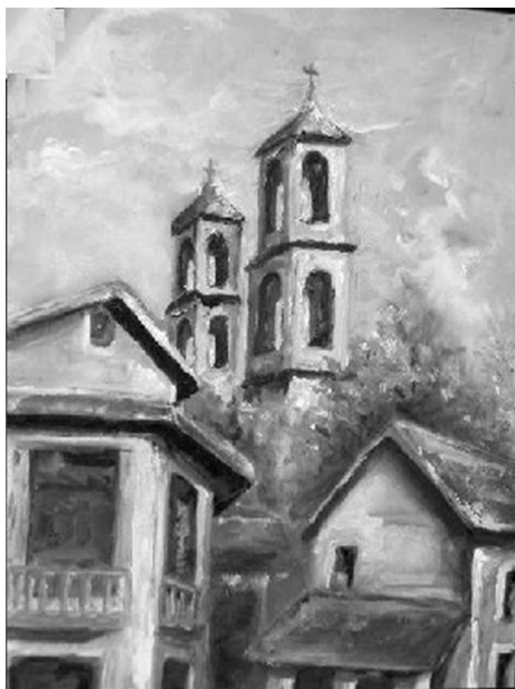
Парусник у курорта Икстапа.



Это, видимо, для очень богатых.



Вот так это выглядит вблизи.



Где-то в Мексике.

А ЭТО ПРОСТО ЦВЕТЫ, ЦВЕТЫ, ЦВЕТЫ...









И на закуску» -- московская вобла (во, бля!).



Это было еще в Москве.

Таня затеяла ремонт на кухне. Подобрала обои цвета беж и попросила меня нарисовать что-нибудь в том. Естественно, вобла по цвету гармонировала более всего.

Однажды к нам в гости пришел мой сын, художник по образованию. Он восхитился: «Наконец-то ты обуздал палитру! А то все косишь под постимпрессионистов...»

Я объяснил, почему я встал на горло собственной песне».

Сын молча встал из-за стола, оделся в прихожей (была осень) и вышел; жена послала меня срочно догнать и вернуть сына домой.

Мне это удалось. Когда мы пришли он сказал: «Папа, никогда больше не рисуй под цвет обоев. Это пошло».

Я промолчал, а про себя подумал: «Хорошо, в следующий раз буду покупать обои в тон с картинами...»

А ЭТОТ КОЛЛАЖ Я НАЗВАЛ
«ОТ СОСКИ ДО БУТЫЛКИ».



Один мой друг сказал: «Это так грустно... Вся жизнь уместилась на одну страничку!»

Что делать? В конце концов, вся наша жизнь – это дефис между парой четырехзначных цифр на могильном камне на кладбище ☺ !